

Нора Робертс

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
★★★★

Коллекционер

Нора Робертс
Коллекционер
Серия «Нора Робертс. Мега-
звезда современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69413179

Коллекционер: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187889-4

Аннотация

Из окна небоскреба в Нью-Йорке выпадает известная супермодель, а в ее квартире находят труп богатого наследника Оливера Арчера. Все обставлено как самоубийство, однако Лайла, случайно увидевшая момент падения из своего окна, так не считает. В квартире был кто-то еще, и этот кто-то явно имеет отношение к яйцу Фаберже, которое брат Оливера, Эштон, нашел в своей банковской ячейке.

Все стрелки указывают на таинственного коллекционера ювелирных изделий Российского императорского двора, возомнившего себя наследником чудом спасшейся княжны Анастасии Романовой...

Страсти накаляются, когда в попытках доискаться до правды Эштон и Лайла сами оказываются на мушке у наемного убийцы...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	56
Глава 4	74
Глава 5	97
Глава 6	119
Глава 7	139
Глава 8	164
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Нора Робертс

Коллекционер

*Памяти моей мамы, которая все
коллекционировала.*

*И моего отца, который всегда находил место
для ее коллекций.*

Nora Roberts
THE COLLECTOR

Copyright © Nora Roberts, 2014.

This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency.

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2023

Часть первая

*Мой дом везде, где висит моя шляпа.
Джонни Мерсер*

Глава 1

Казалось, они никогда не уедут. Клиенты, особенно новички, вечно суетятся и копаются, по сотому разу повторяя наставления и пожелания, прежде чем наконец-то направиться к выходу. Оно и понятно: когда дверь за ними закроется, их дом со всеми пожитками, а в данном случае – еще и с котом, останется на попечении постороннего человека.

Обязуясь присматривать за чужим имуществом, Лайла Эмерсон изо всех сил старалась убедить клиентов в том, что оно в надежных руках.

Последующие три недели, которые Джейсон и Мейси Килдербранд проведут на юге Франции в компании родных и друзей, Лайла будет следить за их шикарными апартаментами в Челси – поливать цветы, кормить кота, забирать корреспонденцию и все важные письма пересылать хозяевам.

Она будет ухаживать за прелестным садиком Мейси, играть с котиком, принимать сообщения – словом, отпугивать грабителей самым фактом своего присутствия – и получать

удовольствие от проживания в нью-йоркском многоквартирном комплексе «Лондонская терраса». Так уже было в Риме, где за дополнительную плату она перекрасила кухню, и в огромном доме в Бруклине, где ее подопечными были игривый золотистый ретривер, милый бостон-терьер преклонного возраста и разноцветные аквариумные рыбки.

За шесть лет профессионального хаусситтинга Лайла пожила в разных районах Нью-Йорка, а последние четыре года также побывала за рубежом.

Другие только мечтают о такой работе, а ей удалось ее получить.

– Ну что, Томас, – Лайла погладила кота по длинной холеной спине, – давай размещаться.

Ей нравилось обустроиваться на новом месте. В этой просторной квартире имелась вторая спальня – она заняла ее и, распаковав один из двух своих чемоданов, какие-то вещи сунула в комод с зеркалом, а другие повесила в крохотной гардеробной. Ее предупредили, что Томас, скорее всего, захочет спать с ней, и она была готова к такому обороту дела. На ночном столике стоял симпатичный букетик фрезий – об этом, вероятно, позаботилась Мейси.

Лайла ценила небольшие знаки внимания – любила их получать и оказывать сама.

Она уже решила для себя, что будет пользоваться большой ванной комнатой, где имелись просторная душевая кабина с парогенератором и джакузи.

– Не стоит пренебрегать комфортом, – наставительно сказала она Томасу, убирая свои туалетные принадлежности.

Практически все ее имущество умещалось в двух чемоданах. Она постаралась расставить все с максимальным удобством и после некоторых раздумий обосновалась с ноутбуком в обеденной зоне, откуда открывался вид на Нью-Йорк. Будь помещение меньше, она бы без проблем работала там же, где спала, но раз пространство позволяло, грех было этим не воспользоваться.

Хозяева проинструктировали ее насчет бытовой техники, пультов, системы безопасности – квартира была битком набита всевозможными гаджетами, и Лайле, фанатевшей от электроники, это очень нравилось.

В кухне она обнаружила бутылку вина, симпатичную вазочку с фруктами, нарезку изысканных сыров и записку на бумаге с монограммой Мейси.

Чувствуйте себя как дома!

Джейсон, Мейси и Томас

«Мило, – подумала Лайла, – я уже чувствую себя как дома».

Она открыла вино, наполнила бокал, сделала глоток и одобрительно кивнула. Потом взяла бинокль и с бокалом вышла на террасу полюбоваться видом.

Хозяева использовали пространство с толком. На террасе имелась парочка мягких стульев, грубая каменная скамья и стеклянный столик, а остальное место занимали вазоны

с буйно растущими цветами, кустиками крохотных томатов черри, пряными травами – все это ей предстояло собирать и употреблять.

Лайла опустилась на стул и, потягивая вино, стала гладить по шелковистой шерсти Томаса, который прыгнул ей на колени.

– Держу пари, они проводят здесь много времени – пьют вино или кофе. Они кажутся счастливой парой. И дом у них уютный. Это чувствуется. – Она почесала Томаса по подбородку, и ярко-зеленые кошачьи глаза затуманились. – Первые пару дней твоя хозяйка будет звонить и писать, поэтому, дружок, мы сделаем и отправим ей несколько фоток – пусть видит, что ты в полном порядке.

Лайла отодвинула бокал и, приставив к глазам бинокль, принялась оглядывать здания. Жилой комплекс растянулся на целый квартал, и это давало возможность подглядеть за чужой жизнью.

Она обожала смотреть, как живут другие.

Высокая женщина примерно ее возраста в маленьком черном платье, которое тесно облегалo стройную модельную фигуру, разговаривала по мобильному, меряя шагами пространство, и вид у нее был раздосадованный. «Наверное, обломилось свидание. Ему пришлось задержаться на работе – это он так сказал, – подумала Лайла, прокручивая в голове сюжет. – А она уже насытилась его отговорками по горло».

Двумя этажами выше две пары расположились в гостиной

– по стенам висели картины, обстановка была стильная и современная – и, пересмеиваясь, попивали что-то вроде мартини.

Судя по всему, эти господа – в отличие от Лайлы и Томаса – не любили летнюю жару, потому что иначе устроились бы на небольшой террасе.

Наверное, они были старыми друзьями, часто собирались, а порой и отдыхали вместе.

В другом окне мальчуган возился на полу со щенком. Оба были так заразительно счастливы, что Лайла невольно рассмеялась.

Он всегда хотел щенка – «всегда» в его возрасте, считай, несколько месяцев – и сегодня родители преподнесли ему подарок. Этот день он запомнит на всю жизнь и когда-нибудь, в свою очередь, сделает сюрприз своему сынишке или дочке.

Решив закончить наблюдения на этой оптимистичной ноте, Лайла опустила бинокль.

– Ладно, Томас, пару часиков нужно поработать. Знаю, знаю, – она столкнула кота на пол и взяла наполовину опорожненный бокал, – у большинства работа уже закончилась. Они отправляются на ужин, встречаются с друзьями или, как в случае с отпадной блондинкой в черном платье, бесятся из-за того, что все обломилось. Но дело в том... – она дождалась, пока идущий впереди кот прошествовал в квартиру, – что у меня свой график. Это одно из преимуществ моей ра-

боты.

Из корзинки с кошачьими игрушками, которая стояла в кухонном шкафу, Лайла достала интерактивный мячик и швырнула его через комнату. Томас тотчас подскочил, бросился вдогонку, ударил по нему лапой и затеял борьбу.

«Будь я кошкой, – подумала Лайла, – тоже не устояла бы перед такой прикольной штучкой».

Пристроив к делу кота, Лайла щелкнула пультом и включила музыку – зазвучал джаз. Она прошлась по каналам и переключилась на попсу, мысленно напомнив себе перед возвращением хозяев вернуть исходную радиостанцию.

Хаусситтинг обеспечивал ей крышу над головой, придавал жизни интерес и даже остроту, но на хлеб она зарабатывала писательским трудом. Первые два года в Нью-Йорке она подвизалась официанткой, пробовала себя в творчестве и так сводила концы с концами. А когда стала смотреть за чужим имуществом – сначала в качестве любезности друзьям и их знакомым, – у нее появилась возможность взяться за роман.

Затем Лайле улыбнулась удача – редактор, за домом которого она присматривала, принял участие в ее судьбе, и ее первая книга, «Восход Луны», неплохо распродалась. Нет, бестселлером она не стала, но пользовалась стабильным спросом и встретила теплый отклик у подростковой аудитории, на которую была рассчитана. Выход продолжения планировался в октябре – тьфу-тьфу! – а сейчас на повестке дня

был третий роман того же цикла.

Быстро скрутив длинные каштановые волосы, Лайла перехватила их черепашковой заколкой и, пока Томас радостно гонялся за мячиком, устроилась перед ноутбуком с бокалом вина и стаканом воды со льдом. Музыка настраивала ее на рабочий лад – что-то подобное любила слушать ее главная героиня по имени Кейли.

Кейли, которой исполнилось шестнадцать, переживала турбулентность подросткового возраста с его влюбленностями, проблемами с учебой, интригами одноклассниц, буллингом, социальной активностью – со всеми катастрофами и триумфами, которые вмещаются в такие короткие и вместе с тем насыщенные школьные годы.

Это то еще испытание, особенно если в классе ты новенькая, как это было с Кейли в первой части трилогии. А тем более если ты из семьи волков-оборотней.

Когда на небе полная луна, какие там домашние задания и школьные вечера – все мысли девушки-оборотня заняты другим.

И теперь, в третьей книге, семья Кейли вступала в жестокую схватку с соперничающим кланом, который охотился на людей. Возможно, читателям помладше история могла показаться слегка кровожадной, но так складывалась логика повествования, и с этим было не поспорить.

В прошлый раз Лайла описывала, как Кейли столкнулась с предательством парня, которого, как ей казалось, люби-

ла, спешно готовила просроченный реферат по Наполеоновским войнам и выбиралась из кабинета естествознания, в котором ее заперла заклятая соперница – красотка блондинка.

Восход Луны ожидался через двадцать минут – примерно столько же времени оставалось до начала заседания Клуба юных естествоиспытателей. Кейли должна была найти выход прежде, чем произойдет превращение.

Лайла с головой погрузилась в роман, переживая вместе с героиней страх разоблачения, боль из-за разбитого сердца и ненависть к красотке Саше – чирлидерше, королеве выпускного бала и людоедке (в буквальном смысле слова).

К тому моменту, когда Кейли наконец выбралась из переделки, – помогла дымовая шашка, пуск которой привлек завуча, еще одну занозу в заднице героини, после чего последовали нотации, попытка удержания и бегство домой, по ходу которого и произошло превращение, – миновало добрых три часа.

Довольная собой, Лайла вернулась в реальность и огляделась по сторонам.

Томас устал от игры и, свернувшись калачиком, спал на соседнем стуле. За окном поблескивали и переливались огни большого города.

Лайла приготовила коту ужин в точности по инструкции и, пока он уплетал, достала свой мультитул «Лезерман» и отверткой подкрутила шурупы в кладовке.

Ослабли шурупы – жди беды, считала она. Это относилось

не только к вещам, но и к людям.

В кладовке обнаружилась пара выдвижных проволочных корзинок, которые по-прежнему стояли в упаковках. Вероятно, для хранения картофеля или лука. Лайла наклонилась и прочитала инструкцию – та уверяла, что смонтировать их проще простого. Она мысленно напомнила себе написать Мейси и предложить их установить. Для нее это пара пустяков.

Лайла налила второй бокал вина и приготовила поздний ужин из фруктов, сыра и крекеров. Потом, расположившись на полу в столовой с Томасом на коленях, она слопала все это, попутно проверяя почту, отправляя имейлы, проглядывая блог и делая заметки для нового поста.

– Ну что, Томас, пора на боковую.

Щелкнув пультом, она отключила музыку, перенесла зевнувшего кота на другое место и убрала тарелки. Впереди ее ждала тихая ночь на новом месте.

Она переделалась в шортики и майку, проверила сигнализацию и решила снова поинтересоваться жизнью соседей.

Судя по всему, Блонди в итоге ушла, оставив в гостиной приглушенный свет. Дружеские посиделки тоже закончились – вероятно, парочки отправились на ужин или в театр.

Мальчуган, конечно же, видит десятый сон, и щенок, надо думать, прилег к нему под бочок. В гостиной мерцает телевизор – это родители переводят дух после трудного дня.

В другом окне – вечеринка в самом разгаре. Гости в коктейльных нарядах тусуются, общаются, держа в руках бокалы и фуршетные тарелочки.

Она понаблюдала за ними, воображая их разговоры, в частности, о чем перешептываются брюнетка в коротком красном платье и бронзовый от загара Аполлон в жемчужно-сером костюме. Лайла решила, что у этих двоих страстный роман, который разворачивается под носом страдальцы-жены и ничего не подозревающего мужа.

Потом она снова принялась оглядывать периметр, вдруг замерла, на мгновение опустила бинокль и снова поднесла его к глазам.

Да нет, качок на двенадцатом этаже, который впечатляюще вращал бедрами, крутился и приседал, не был голым. На нем были трусы-танга.

Его тело было в поту, но он упорно повторял движения и оттачивал новые. Судя по всему, это был актер или танцор, подрабатывавший стриптизером в ожидании удачи на Бродвее.

Она невольно залюбовалась им.

Лайла провела у окна еще полчаса, а затем отправилась в кровать, куда, как и ожидалось, заявился Томас. Устроившись со всем комфортом, она включила фоном телевизор и остановилась на повторе сериала «Морская полиция: Спецотдел», диалоги из которого знала не хуже персонажей. Потом взяла айпад, нашла триллер, начатый в самолете по пути

из Рима, и принялась читать.

* * *

На следующей неделе определился распорядок дня. Томас устраивал побудку ровно в семь и звучным мяуканьем требовал завтрак.

Лайла кормила кота, варила кофе, поливала растения в квартире и на террасе и во время легкого завтрака подглядывала за соседями.

Блонди с сожителем – на супругов они не тянули – часто скандалили. Она швырялась всем, что подвернется под руку. Мистер Рефлекс, как мысленно окрестила его Лайла, ловко уворачивался – у него была отменная реакция и целое море обаяния. Стычки, случавшиеся почти каждый день, заканчивались бурным примирением и диким взрывом страсти.

По мнению Лайлы, любовники стоили друг друга. Хотя с ее манерой швыряться посудой и одеждой и его привычкой уворачиваться и соблазнять вряд ли их хватит надолго.

Им нравились ролевые игры. Страстные, сексуальные ролевые игры, и Лайла была готова побиться об заклад, что к тому же он крутит роман на стороне.

Мальчуган со щенком по-прежнему души не чаяли друг в друге, а родители или няня терпеливо убирали следы их проделок. Обычно по утрам отец и мать облачались в деловые костюмы, что наводило на мысль об успешных карьерах.

Мартини, как она называла про себя супружескую чету, редко выходили на террасу. Жена явно принадлежала к категории дам, которые по утрам долго валяются в постели, днем предпочитают обедать в городе, а возвращаются под вечер, как правило, с покупками.

Тусовщики обычно отсутствовали по вечерам, судя по всему, отчаянно прожигая жизнь где-то в другом месте.

А Качок регулярно вилял бедрами, чем доставлял ей немалое удовольствие.

Наглядевшись на представления за окном и дав волю фантазии, Лайла усаживалась за ноутбук и работала почти до вечера с перерывом на игры с котом. Потом она шла в магазин купить что-нибудь на ужин и прогуляться по окрестностям.

Она посылала хозяевам фотографии довольного Томаса, снимала с кустов помидорки, разбирала почту, руководила кровопролитной битвой оборотней, писала посты для блога и установила в кладовке две корзинки.

В начале второй недели она разорилась на бутылку благородного «Бароло», пополнила ассортимент изысканных сыров и в прелестной пекарне по соседству купила набор мини-капкейков.

Вечером, когда на часах было чуть больше семи, к ней в гости пришла ее лучшая подруга.

– Ну наконец-то!

В одной руке у Джули было вино, в другой – букет душистых лилий, но она все-таки умудрилась обнять Лайлу.

Джули Брайант, статная, с формами и рыжей шевелюрой, смотрелась полной противоположностью Лайлы, чей рост был средним, фигура – худощавой, а волосы – каштановыми и прямыми.

– Я смотрю, ты загорела в Риме. А я, хоть вся измажусь солнцезащитным средством, все равно обгорю и буду как вареный лобстер. Ты классно выглядишь.

– Две недели в Риме кого хочешь преобразят. Там одна паста такая, что пальчики оближешь. Я же говорила, что куплю вино, – добавила Лайла, принимая от подруги бутылку.

– Теперь будет две. И с приездом!

– Спасибо.

Лайла взяла цветы.

– Ух ты, сколько места. Огромная квартира, а вид отсюда просто обалденный. Чем занимаются владельцы?

– Раскрутились на семейные средства.

– Эх, мне бы кто средств подкинул.

– Пойдем на кухню, я поставлю букет, а потом устрою тебе экскурсию. Он финансист, но я в этом ни бум-бум. Обожает свою работу и предпочитает теннис гольфу. Она занимается дизайном интерьеров, и, как видишь сама, у нее неплохо получается. Она подумывает сделать хобби профессией, но они мечтают обзавестись детьми, поэтому она сомневается, что момент для бизнеса подходящий.

– Они ведь у тебя новенькие? И уже рассказали о себе уйму всего личного?

– Это у меня лицо такое – располагающее к откровениям.

Поздоровайся с Томасом.

Джули присела на корточки:

– У него симпатичная мордаха.

– Он лапушка. – Лайла умильно наблюдала за тем, как

Джули приветствует котика. – Порой питомцы – источник хлопот, но Томас – совсем другое дело.

Она достала из корзинки с игрушками заводную мышку – кот подскочил, а Джули расхохоталась, к большому удовольствию Лайлы.

– А он парень не промах.

Джули выпрямилась и, пока Лайла ставила цветы в стеклянную вазу, оперлась спиной о стойку.

– В Риме было потрясающе?

– Это точно.

– Тебе удалось подцепить умопомрачительного итальянца и заняться с ним страстным сексом?

– Увы, нет. Но, кажется, на меня запал владелец местной фруктовой лавки. Ему было лет под восемьдесят, он называл меня *una bella donna* и угощал самыми красивыми персиками.

– Не секс, конечно, но тоже кое-что. Я не могла дождаться, когда ты приедешь.

– Надеюсь, ты приютишь меня в перерыве между работой.

– Всегда тебе рада, ты знаешь. Жаль, что меня там не было.

– Как прошла свадьба?

– Прежде чем я начну повествование об адской свадебной неделе в Хэмптонсе кузины Мелли и почему я официально сняла с себя полномочия подружки невесты, мне нужно накатить.

– Ты повеселила меня своими сообщениями. Особенно мне понравилась вот это: «Эта ненормальная истерит, что розовые лепестки не того оттенка. Прибить бы ее во благо всего человечества».

– Я была очень близка к этому. Сколько слез, воплей, сколько трагедии – лепестки оказались темно-розовыми! А должны быть светло-розовыми. «Джули, ты должна это решить!» Я была готова ее порешить.

– Она действительно заказала грузовик с полтонной лепестков?

– Типа того.

– Надо было закопать ее в них. Только представь: невеста задохнулась в лепестках. Все сочли бы, что это ирония судьбы.

– Жаль, что мне это в голову не пришло. Я действительно по тебе скучала. Мне больше нравится, когда ты работаешь в Нью-Йорке, и мы можем встречаться и зависать вдвоем.

Лайла смотрела, как подруга открывает вино.

– Ты обязательно должна поехать со мной в какое-нибудь стоящее место.

– Ты постоянно это говоришь. Просто я не уверена, что

буду чувствовать себя в своей тарелке, проживая... О боже, ты только взгляни на этот фарфор. Это ведь антиквариат, да? Смотрится изумительно.

– Он ей достался от прабабушки. И, приходя ко мне, ты всегда чувствуешь себя в своей тарелке, так что не стоит переживать. Ты же останавливаешься в отелях.

– В отелях не живут.

– Еще как живут, вспомни Элоизу и ее няню.

Джули дернула Лайлу за кончик «конского хвоста».

– Элоиза с няней – книжные персонажи.

– Персонажи – тоже люди, а иначе разве нам было бы до них дело? Давай пойдем на террасу. Посмотрим, что ты скажешь при виде миниатюрного садика Мейси. Ее семья родом из Франции, у них там были виноградники. – Лайла подхватила поднос ловким движением опытной официантки. – С будущим мужем она познакомилась пять лет назад, когда, как сейчас, гостила у бабушки с дедушкой, а он был там на отдыхе и приехал в их винодельню. Оба уверяют, что это была любовь с первого взгляда.

– С первого взгляда – самое надежное.

– Я бы сказала – самое книжное, но в жизни всегда есть место книжным поворотам. – Она направилась на террасу. – Оказалось, что оба живут в Нью-Йорке. Он позвонил ей, они встретились, и полтора года спустя поклялись друг другу в вечной любви и верности.

– Прямо как в сказке.

– Я бы снова сказала – по-книжному, хотя я обожаю сказки. И они действительно кажутся счастливой парой. А она, как ты сама увидишь, прирожденный садовод.

На террасе Джули похлопала по биноклю.

– По-прежнему шпионишь?

– Не шпионю, а наблюдаю. – Лайла надула пухлые губы. – Если люди не хотят, чтобы за ними подглядывали, они закрывают шторы и опускают жалюзи.

– Ну-ну. Ух ты! – Джули уперла руки в бока, оглядывая террасу. – Она в самом деле прирожденный садовод!

В простых терракотовых горшках все цвело, колосилось и плодоносило, превращая городское пространство в зеленый оазис.

– Она и помидоры сажает?

– Они чудесные. А посмотри на травы – они выращены из семян.

– Ты на такое способна?

– Я – нет, а Мейси – да. Мне сказали все собирать. Вчера вечером я приготовила на ужин огромную миску потрясающего салата и слопала его тут с бокалом вина, наблюдая за оконным шоу.

– Престранная у тебя жизнь. И что там происходит за окном?

Лайла наполнила бокалы и взялась за бинокль – на всякий случай.

– На десятом этаже проживает семейство, они только что

подарили щенка своему мальчугану. И малыш, и щенок просто милашки, обожают друг друга, и наблюдать за ними истинное удовольствие. На четырнадцатом обитает сексапильная блондинка, у которой очень страстный любовник, – обоями прямая дорога в модельный бизнес. Он приходит и уходит, они пылко объясняются, бьют посуду, а потом занимаются безудержным сексом.

– Ты наблюдала, как они трахаются? Дай сюда бинокль!

– Нет. – Лайла помотала головой, смеясь. – Как они трахаются, я не видела. Но это и так понятно. Они скандалят, дерутся, гоняются друг за другом по квартире, потом начинают срывать друг с дружки одежду. В спальне, в гостиной. Террасы у них нет, зато в спальне есть балкончик. Как-то их так прихватило, что едва успели с него убраться. А на двенадцатом – голый тип. Погоди, может, он и сейчас там. – Она посмотрела в бинокль. – Ага, на месте. Вот, полюбуйся. Двенадцатый этаж, третье окно слева.

Заинтригованная, Джули поднесла бинокль в глазам и наконец нашла нужные окна.

– О черт. Ммм. Какая пластика! Давай позвоним ему и пригласим в гости.

– Не думаю, что мы в его вкусе.

– Это еще почему?

– Он – гей, Джули.

– С чего это ты решила? – Подруга опустила бинокль, нахмурилась, затем снова поднесла его к глазам. – Твой гейдар,

как Супермен, действует на расстоянии?

– Это яснее ясного: он носит танга.

– В них удобнее.

– Танга, – повторила Лайла.

– Он танцует в ночных клубах?

– Похоже на то. Думаю, он начинающий актер и в ожидании удачи подрабатывает в стрип-клубе.

– У него классная фигура. У Дэвида тоже была классная фигура.

– Почему «была»?

Джули положила бинокль и жестом показала, что переломила веточку.

– Когда?

– Сразу после Адской свадебной недели в Хэмптонсе. Момент назрел, но мне не хотелось делать это во время свадьбы, там и без того было хреново.

– Мне жаль, моя дорогая.

– Спасибо, но он тебе категорически не нравился.

– Он мне просто не нравился.

– Какая разница? Хотя на вид он был очень даже ничего, но со временем начал ужасно доставать. Куда ты пошла, когда вернешься и все в таком духе. Бомбардировал меня сообщениями или оставлял послания на голосовой почте. Если у меня были дела или планы повидаться с тобой и с другими подругами, он начинал дуться. Словом, вел себя как надоедливая женушка. Ничего не хочу сказать обидного про жен,

сама ей была. Мы повстречались пару месяцев, и он объявил, что пора съезжаться. А мне оно нужно?

– Нужно, когда человек нужен, – уточнила Лайла.

– Я пока не готова съезжаться. Еще не успела отойти после Максима.

– Пять лет прошло.

Джули покачала головой, и Лайла похлопала ее по руке.

– Еще рано. Меня до сих пор трясет при воспоминании об этом подлом изменщике. Нужно воспринимать это с юмором, я понимаю. Ненавижу разрывы, – добавила она. – От них на душе либо тоскливо – если тебя кинули, – либо гадливо – если сама кинула.

– Не припомню, чтобы я кого-то кидала, но поверю тебе на слово.

– Просто ты внушаешь им, что это их идея, а еще относишься ко всему несерьезно, так что кидать – это не про тебя.

В ответ на это Лайла только улыбнулась.

– Ты действительно еще не успела отойти после Максима, – сказала она, и Джули рассмеялась. – Ну что, закажем доставку? Тут поблизости есть греческий ресторанчик, клиенты его рекомендовали. Я пока не пробовала.

– Если на десерт будет пахлава, то я – «за».

– У меня есть капкейки.

– Еще лучше. А что, жизнь налаживается. Шикарные апартаменты, вкусное вино, греческая еда на подходе, и лучшая подруга вернулась из Рима. И сексуальный... и к тому

же потный, – добавила она, снова взглянув в бинокль, – сексуальный, потный танцор, чья половая ориентация остается под вопросом.

– Он гей, – повторила Лайла и отправилась искать буклет доставки.

* * *

Они выпили почти все вино, поедая клефтико из баранины, а затем, уже около полуночи, перешли к капкейкам. Пожалуй, это было не лучшее сочетание, позже решила Лайла, которую слегка подташнивало, но что не сделаешь для подруги, переживающей из-за разрыва гораздо больше, чем она хочет признать.

И дело тут не в парне, думала Лайла, обходя перед сном квартиру и проверяя замки и запоры, а в самом факте и в тех вопросах, которые неизбежно приходят на ум после всего случившегося.

Проблема во мне? Это из-за меня все пошло наперекосяк? И с кем я теперь буду ужинать?

В обществе, где принято жить парами, сольный полет может вызывать чувство дискомфорта.

– Это не мой случай, – заверила она кота, который где-то между клефтико и капкейками свернулся в своей корзинке. – Мне хорошо одной – я птица вольная. Хочу – путешествую по миру, хочу – беседую с котами, и мне это по кайфу.

И все же Лайла жалела, что не уговорила Джули остаться на ночь. Не только ради компании, но и потому, что утром подруга будет мучиться похмельем, и ей потребуется помощь.

Ну и зараза эти капкейки, думала она, готовясь лечь в кровать. Такие чудные и крохотные, почти как пушинки – оглянуться не успеешь, и бац – уже полкоробки съедена.

И про сон теперь можно забыть – в крови сплошной алкоголь и сахар.

Лайла взялась за бинокль. Местами еще горел свет. Не одна она полуночничала. Господи, уже было без двадцати два.

Потный Качок по-прежнему бодрствовал – теперь в компании такого же горячего парня. Что и требовалось доказать: ее гейдар *действительно* как Супермен. Нужно будет сказать об этом Джули.

Тусовщики пока не ложились – судя по шикарному прикиду, они только вернулись домой. На женщине было платье оранжевого цвета из блестящей ткани – жаль, не разглядеть, что у нее на ногах. Любопытство Лайлы было вознаграждено, когда женщина оперлась о плечо мужчины и сняла золотистую босоножку с красной подошвой.

Ммм, «Лабутены»!

Лайла продолжила сканировать периметр.

Блонди тоже пока не ложилась. Она снова была в маленьком черном платье, из прически выбились волосы. Наверное, вернулась с мероприятия, и что-то там не задалось.

В этот момент Блонди мазнула себе рукой по лицу – да она плачет, поняла Лайла. Губы женщины двигались, она говорила быстро, с нажимом. На подходе очередной скандал с бойфрендом?

А где он сам?

Лайла поменяла точку обзора, но это не дало результата.

– Бросай его ко всем чертям! – возмутилась она. – Сколько можно страдать? Ты красивая, наверняка неглупая и, безусловно, достойна большего...

Голова женщины запрокинулась от удара. Лайла вздрогнула.

– О боже! Какой подонок! Он ее ударил. Не...

Блонди съежилась, попыталась прикрыть лицо, когда ее настиг второй удар. Она рыдала, моля о пощаде.

Лайла подскочила к ночному столику, схватила телефон и бросилась назад.

Свет был тусклым, и мужчину она не видела, но женщина уже была приперта спиной к оконному стеклу.

– Ну, погоди у меня, – бормотала Лайла, набирая 911.

И тут картинка стала статичной.

Стекло разлетелось вдребезги – женщина выпала из окна и, раскинув руки и молотя ногами по воздуху, устремилась вниз к тротуару. Она падала с четырнадцатого этажа, и волосы развевались у нее за спиной, как золотые крылья.

– О господи, господи...

Лайла тыкала в телефон трясущимися пальцами.

– 911. Что случилось?

– Он толкнул ее. Он толкнул ее, и она выпала из окна.

– Мадам...

– Подождите... – Лайла на мгновение закрыла глаза и, сделав над собой усилие, три раза вдохнула и выдохнула. Сосредоточься, приказала она себе, излагай факты.

– Говорит Лайла Эмерсон. На моих глазах только что произошло убийство. Женщину вытолкнули из окна четырнадцатого этажа. Я нахожусь по адресу... – После секундной заминки она вспомнила, где находится квартира Килдербрандов. – Это произошло в доме напротив. В том, что находится слева от моего. Извините, я плохо соображаю. Женщина погибла. Я так думаю.

– Высылаю наряд. Не отключайтесь.

– Да, я тут.

Дрожащими руками она снова поднесла к глазам бинокль, но в комнате с разбитым окном уже было темно.

Глава 2

Лайла оделась, поймав себя на том, что выбирает между джинсами и капри, – очевидно, так проявлялся шок. Куда же без него, но она была в порядке. Она будет в порядке.

Она была жива.

Лайла натянула джинсы, футболку и, взяв на руки сбитого с толку, но покорного Томаса, принялась расхаживать из угла в угол.

Она увидела, как прибыла полиция и внизу собралась небольшая толпа зевак, хотя на часах было около двух ночи. Она поспешно отвела взгляд от окна.

Это вам не сериалы про полицейских, тут все было взаправду. Красивая блондинка, которая предпочитала маленькие черные платья, лежала на тротуаре переломанная, вся в крови. Шатен с волнистыми волосами, который приходил к ней, занимался сексом, болтал, смеялся и отбивал атаки, вытолкнул ее из окна.

Лайла приказала себе успокоиться. Нужно сохранять спокойствие и рассказать полиции все, что она видела. Не сбиваясь. Ей ужасно не хотелось переживать все заново, но она сделала над собой усилие и представила себе залитое слезами лицо и растрепанные волосы женщины, град обрушившихся на нее ударов. Она мысленно и до мельчайших деталей припомнила мужчину – как он смеется, уклоняется,

огрызается – чтобы дать полицейским его точное описание.

Полиция нагрянет с минуты на минуту, сказала она себе и тотчас вздрогнула от звонка в дверь.

– Все хорошо, – шепнула она Томасу. – Не волнуйся.

В «глазок» она увидела двух полицейских и прочитала на жетонах их фамилии – Фицхью и Морелли – и только тогда открыла дверь.

– Мисс Эмерсон?

– Да. Входите. – Она отступила, толком не зная, что сказать. – Та женщина... она не выжила после падения, да?

– Да, мэм. – Фицхью, который был постарше и выглядел более опытным, сразу приступил к делу. – Расскажите, что вы видели.

– Да, я... Может, вы присядете? Хотите кофе? Я могу сделать кофе.

– Спасибо, не утруждайтесь. Славная квартира, – буднично сказал он. – Вы гостите у Килдербрандов?

– Что? Нет. Они уехали. Во Францию. Я присматриваю за их домом. Квартирую, пока они в отъезде. А так я здесь не живу. Я могу им позвонить. Там... – Она тупо уставилась на часы. – Сколько же там сейчас? Голова совсем не варит.

– Не утруждайтесь, – повторил он и подвел ее к стулу.

– Простите. Это было ужасно. Он бил ее, а затем, должно быть, вытолкнул, потому что стекло разбилось, и она просто вылетела из окна.

– Вы своими глазами видели, как кто-то избивал жертву?

– Да. Я...

Томас по-прежнему был у нее на руках, затем она опустила его на пол. Кот тотчас потрусил в сторону молодого копа и вскочил ему на колени.

– Извините. Я могу закрыть его в другой комнате.

– Не нужно. Милый котик.

– Да, он и правда очень милый. Иногда у клиентов кошки дичатся или даже гадят, и потом... простите. – Она одернула себя и всхлипнула. – Я начну по порядку. Я собиралась лечь спать.

Лайла рассказала, что видела, потом проводила в спальню, чтобы показать вид из окна. Когда Фицхью вышел, она сварила кофе и приготовила завтрак Томасу, попутно разговаривая с Морелли.

Она узнала, что полтора года назад он женился, в январе они с супругой ждали первенца. Ему нравились кошки, но по натуре он был собачником. Он происходил из большой итало-американской семьи, его брат держал пиццерию в Маленькой Италии, а сам он в свободное время играл в бейсбол.

– Из вас получился бы хороший коп, – сказал он.

– Правда?

– Вы умеете разговаривать. Я вам полжизни рассказал.

– Люблю задавать вопросы, ничего не могу с собой поделаться. Мне интересны люди. Поэтому я подглядываю в окна. Только подумайте, у нее ведь была семья, родные, которые ее любили. Она была шикарная, высокая, наверно, работа-

ла моделью.

– Высокая?

– Я сужу по виду из окна. – Лайла вытянула руку, показывая примерный рост. – Метр семьдесят пять или чуть выше.

– Спасибо, учту. Да, вы были бы отличным копом, – сказал он, и тут снова послышался звонок.

Он вышел и вернулся в сопровождении усталого мужчины лет сорока и женщины с цепким взглядом, которая казалась лет на десять моложе.

– Это детективы Уотерстоун и Файн. Они хотят с вами побеседовать. Всего хорошего, мисс Эмерсон.

– Как, вы уже уходите? Спасибо за... просто спасибо. При случае загляну в пиццерию вашего брата.

– Вы не пожалеете. До свидания.

Стоило ему уйти, и ее снова охватила нервозность.

– У меня есть кофе. Хотите?

– Не откажусь, – сказала Файн и наклонилась погладить Томаса. – Какой милый котик.

– Вам с молоком?

– Черный, пожалуйста. Вы тут живете, пока Килдербранды в отъезде?

– Да, именно так. – Ей было легче, когда руки были заняты. – Я смотрю за их квартирой.

– Смотреть за чужим имуществом – ваш основной заработок? – поинтересовался Уотерстоун.

– Не столько заработок, сколько развлечение. На жизнь я

зарабатываю писательством. Мне хватает.

– И давно вы тут квартируете? – спросил Уотерстоун.

– Неделю. Точнее, неделю и два дня, поскольку уже начало суток. В общей сложности я должна пробыть тут три недели, пока хозяева гостят у родных во Франции.

– Вам уже случалось жить здесь?

– Нет. Я здесь впервые.

– А где вы проживаете постоянно?

– Вообще-то у меня нет постоянного адреса. Когда в работе случается перерыв, я живу у подруги. Но это бывает нечасто. Обычно с работой нет проблем.

– То есть своего жилья у вас не имеется? – уточнила Файн.

– Именно так. Ни жилья, ни связанных с ним расходов.

Но для официальных нужд и корреспонденции я пользуюсь адресом Джули Брайант. – Она сообщила адрес в Челси. – Иногда в перерывах между работой я проживаю там.

– Ясно. Покажите нам, пожалуйста, где вы находились, когда произошел инцидент.

– Сюда, пожалуйста. Я собиралась лечь спать, но была слегка на взводе. Ко мне приходила подруга, та самая Джули, и мы слегка выпили. Если честно, многовато, и мне не спалось, поэтому я взяла бинокль и решила посмотреть, что там происходит по соседству.

– Бинокль, значит, – повторил Уотерстоун.

– Вот он. – Лайла подошла к окну и взяла прибор в руки. – Он всегда при мне. Я переезжаю с места на место – в Нью-

Йорке, да и везде. Только что вернулась из Рима.

– Вас наняли, чтобы смотреть за домом в Риме?

– Там была квартира, – ответила она Файн. – Срабатывает устная реклама, отзывы клиентов, а еще я веду блог. Мне нравится наблюдать за людьми, сочинять о них истории. Да, я шпионю, – без обиняков сказала она. – Сама я так об этом не думаю и ничего такого не имею в виду, но да, я шпионю. Просто... за каждым из этих окон свой маленький мир.

Уотерстоун поднес к глазам бинокль и долго глядел на дом.

– У вас тут отличный обзор.

– Они часто скандалили, ругались, потом мирились.

– Кто? – спросила Файн.

– Блонди и Мистер Рефлекс. Я так их прозвала. Квартира была ее – она выглядит по-женски – но он всегда оставался на ночь, по крайней мере, все время, что я живу здесь.

– Можете его описать?

Лайла кивнула:

– Чуть выше ее – пожалуй, метр восемьдесят пять, – накачанный, крепкого телосложения, килограмм под девяносто, шатен, волосы волнистые. Когда улыбается, на щеках появляются ямочки. На вид лет тридцать. Очень привлекательный.

– Что именно вы видели этой ночью?

– Я видела ее – на ней было эффектное черное платье, волосы были растрепаны. Она плакала. Впечатление было та-

кое, что она плакала, вытирала слезы и говорила очень быстро. Как будто умоляла. Так мне показалось. Потом я увидела, как он ее ударил.

– Вы видели того, кто ее ударил?

– Нет. Я только увидела, что ее ударили. Человек стоял слева от окна. Я увидела удар – как вспышка. Темный рукав. И как запрокинулась ее голова. Она пыталась прикрыть лицо, а он ударил ее еще раз. Я схватила телефон – он зарядился на столике – и стала звонить в полицию, а когда посмотрела снова, она прижималась спиной к окну, загораживая собой обзор. Потом стекло разбилось, и она выпала. Она падала так быстро. В тот момент я ничего, кроме нее, не видела. Я позвонила в полицию, а когда снова взглянула в окно, свет уже погас.

– Значит, убийцу вы не видели?

– Нет. Я видела только ее. Но кто-то в том доме должен его знать. Ее подруги или родные. Кто-то должен его знать. Он вытолкнул ее. Возможно, это случилось ненамеренно, но удар был такой силы, что окно разбилось, и она выпала. Как бы там ни было, он убил ее, и кто-то должен его знать.

– Во сколько вы впервые увидели жертву сегодня? – Уотерстоун отложил бинокль.

– Примерно без двадцати два. Направляясь к окну, я посмотрела на часы и подумала, что припозднилась. Так что я точно знаю, что было без двадцати два, а минуту спустя я увидела ее.

– После того как вы позвонили 911, – подала голос Файн, – кто-нибудь выходил из дома?

– Нет, но я не смотрела. Когда она выпала, я просто оцепенела.

– Вы позвонили в службу спасения в час сорок четыре, – сказала Файн. – Вот вы ее увидели, а потом кто-то ее ударил – через сколько минут это произошло?

– Примерно минуту спустя. Я посмотрела на пару двумя этажами выше, которые только вернулись домой, судя по нарядам, с вечеринки, потом на... – ни слова о голом гее! – парня на двенадцатом этаже, к которому пришел приятель, а потом увидела ее, так что было, пожалуй, час сорок две или сорок три, если мои часы верны.

Файн достала смартфон, провела по нему пальцем и показала ей.

– Вы узнаете этого человека?

Лайла вгляделась в фотографию на водительских правах.

– Это он, ее бойфренд! Я уверена – на девяносто девять, нет на девяносто шесть процентов. Вы уже поймали его. Я готова дать показания. – Слезы жгли ей глаза. – Я все сделаю. Он обошелся с ней бесчеловечно. Вы можете на меня рассчитывать.

– Мы вам признательны, мисс Эмерсон, но показания против этого человека нам не требуются.

– Но он же... Он признался?

– Не совсем. – Файн убрала телефон. – Он на пути в морг.

– В смысле?

– Судя по всему, вытолкнув жертву из окна, этот мужчина уселся на диван, сунул себе в рот ствол 32-го калибра и нажал на курок.

– О господи. – Лайла отпрянула назад и плюхнулась на кровать. – О господи. Он убил ее, а затем себя.

– Выходит так.

– Но почему? Из-за чего?

– В этом-то вся загвоздка, – сказала Файн. – Давайте-ка всю историю еще раз с самого начала.

* * *

К тому времени, когда полицейские удалились, Лайла не спала почти сутки. Ей хотелось позвонить Джули, но она себя одернула. У подруги выходной, а тут она с такими новостями...

Можно было позвонить маме – в трудные минуты она всегда оказывала ей поддержку. Хотя исход разговора был заранее ясен. После слов сочувствия и поддержки неизменно последовало бы:

– Ну зачем тебе Нью-Йорк, Лайла-Лу? В нем опасно. Приезжай к нам с папой (подполковником в отставке) в Джуно, на Аляску.

Еще одного разговора на эту тему прямо сейчас она не вынесет.

Поэтому она упала на кровать как была, в одежде, обняла Томаса, который не заставил себя ждать, и, к своему удивлению, в считанные секунды уснула.

* * *

Она проснулась с бешено колотящимся сердцем, вцепившись руками в кровать, точно проваливалась в бездну.

Это всего лишь реакция, сказала она себе. Психологическая реакция. Лайла перевернулась на бок и обнаружила, что проспала почти до полудня.

Хватит. Нужно принять душ, переодеться и выбросить это дерьмо из головы. Она сделала все, что от нее зависело, рассказала полиции все, что видела. Рефлекс убил Блонди и себя, разом погубил две жизни, и как ни крути, но это уже не исправить.

Но ее мысли продолжали крутиться – схватив айпад, она принялась проглядывать новостную ленту.

«Модель погибла, выпав из окна», – прочитала она.

Все верно! Блонди была создана для подиума.

Отправив в рот последний капкейк – не следовало бы, но что уж тут – Лайла схочмячила его, пробегая глазами заметку.

– Сейдж Кендалл. Ее даже звали по-модельному. И Оливер Арчер. У Рефлекса тоже было имя. Ей было всего двадцать четыре, Томас. Она была на четыре года младше меня. Снималась к рекламе. Возможно, я ее видела. И почему от

этих мыслей становится еще тошнотворнее?

Нет, это следовало пресечь в корне и выбросить все из головы. И на какое-то время обратиться отсюда.

Душ прибавил ей бодрости, легкое летнее платье и босоножки улучшили настроение, а макияж скрыл бледность кожи и темные круги под глазами.

Она решила прогуляться за пределы квартала – подальше от собственных мыслей – и пообедать в каком-нибудь приличном месте. Потом позвонить Джули, снова позвать ее в гости и рассказать ей все – она посочувствует и не осудит.

– Я вернусь через пару часов, Томас.

Она было вышла за дверь, но вернулась и взяла карточку, которую ей дала детектив Файн. Пусть мысли крутятся столько, сколько им нужно, рассудила она. И нет ничего плохого в том, что свидетельница убийства поинтересуется тем, закрыто ли дело.

В любом случае прогулка получится небольшой и приятной. А на обратном пути можно будет заглянуть в бассейн. Строго говоря, пользоваться бассейном и тренажерным залом ей, как не проживающей в жилом комплексе, не полагалось, но предупредительная Мейси решила эту проблему.

Плавание поможет избавиться от усталости, стресса и переживаний, а разговор по душам с подругой довершит дело.

Завтра она вернется к работе. Жизнь пойдет своим чередом. Смерть – это напоминание о том, что жизнь должна продолжаться.

Эш вытряхнул содержимое мешка. Это было так называемое личное имущество. Часы, кольцо, бумажник, набитый наличностью, кредитница, полная банковских карт. Серебряное кольцо для ключей от Тиффани. И часы с кольцом тоже, вероятно, или от Картье, или от другого именитого ювелирного дома. И тонкая серебряная зажигалка, само собой. Горстка блескучих побрякушек, которые брат рассовал по карманам в последний день своей жизни.

Оливер, который жил в предвкушении нового колоссального проекта, огромного куша, чего-то грандиозного. Очаровательный, беспечный Оливер.

Мертв.

– У него еще был айфон, но мы пока с ним не закончили.

– Что? – Эш поднял взгляд на детектива – ее фамилия выскочила из головы. Ах да, Файн. Детектив Файн, чьи голубые глаза таят в себе секреты. – Что, простите?

– Мы пока проверяем его телефон, а когда закончим с квартирой, пригласим вас на опознание его вещей. Как я уже говорила, в его правах указан адрес в Вест-Виллидже, но по нашей информации он съехал оттуда три месяца назад.

– Да, я помню. Я не знаю.

– Сколько вы с ним не виделись?

Он уже неоднократно говорил все это и ей, и ее напарнику

с суровым лицом, когда они заявили к нему в лофт. С целью уведомления – они так выразились. Личное имущество, уведомление. Жаргон детективов и полицейских сериалов. Слова не из его жизни.

– Пару месяцев. Возможно, три или четыре.

– Но несколько дней назад вы говорили по телефону.

– Он позвонил, предложил выпить и пообщаться. У меня были дела, я отказался и пообещал выкроить время на следующей неделе. Вот черт.

Эш прижал пальцы к глазам.

– Это тяжело, я понимаю. Вы сказали, что не знали женщину, с которой он жил последние три, точнее почти четыре, месяца.

– Нет. Он упомянул о ней, когда звонил. Хвастался, что она, мол, крутая модель. Я не придавал значения. Оливер любил прихвастнуть, это в его характере.

– Может быть, он говорил о том, что между ним и этой крутой моделью существуют какие-то разногласия?

– Как раз наоборот. Он говорил, что она классная, они оба классные и вообще все классно.

Эш взглянул на свои руки и заметил, что большой палец испачкан берлинской лазурью.

Когда детективы явились в лофт, он рисовал и был раздрадован, что его прервали. А затем весь его мир изменился.

– Мистер Арчер?

– Да. Да. Все было охрененно классно. У Оливера всегда

было так. Все классно ровно до тех пор, пока...

– Пока что?

Эш сунул руки себе в волосы – они были черные и густые.

– Слушайте, он мой брат и теперь он мертв. Я пытаюсь как-то уложить эту мысль в голове и не стану о нем злословить.

– При чем тут злословие, мистер Арчер? Чем больше информации о нем мы получим, тем лучше сможем понять, что произошло.

Возможно, это действительно так. Кто он такой, чтобы судить?

– Оливер все время гнался за успехом. Крутые сделки, крутые женщины, крутые клубы. Он был тусовщиком по жизни.

– Жил на полную катушку.

– Можно и так сказать. Он воображал себя игроком, но, черт возьми, он им не был. Он всегда садился за стол, где шла большая игра, и если срывал куш – в казино, в бизнесе или в любви, – то потом в следующем раунде проигрывал все это и даже больше. Так что все шло классно ровно до тех пор, пока не схлопывалось, и тогда он принимался звать на помощь. Он обаятельный, смысленый... был.

Последнее слово хлестко отозвалось в его душе. Обаятельного, смысленного Оливера больше не было.

– Оливер – самый младший в семье и единственный сын у матери. Само собой, его избаловали.

– Вы сказали, он не был склонен к насилию.

– Не так. – Усилием воли Эш стряхнул наваливающуюся печаль – ей сейчас было не место – и позволил себе вспылить. – Я не говорил, что Оливер не был склонен к насилию. Я сказал, что он был противник насилия. – Мысль о том, что брата обвиняют в убийстве, полоснула его, как ножом. – Попадая в переделку, он либо отбрехивался, либо удирал во все лопатки. Если не мог отбрехаться, что случалось нечасто, или удрать, то прятал голову в песок.

– Однако у нас есть свидетель, который утверждает, что он нанес своей сожительнице множество ударов, после чего выбросил ее из окна четырнадцатого этажа.

– Свидетель заблуждается, – безапелляционно сказал Эш. – Оливер был трепло и пижон, каких поискать, но он никогда не поднимал руку на женщину. И, разумеется, не убил бы. И, что еще важнее, он бы никогда не покончил с собой.

– В квартире мы обнаружили много алкоголя и наркотиков, в том числе оксикодон, кокаин, марихуану, викодин.

Голос женщины звучал профессионально невозмутимо, ровно, и Эш представил ее валькирией, бесстрашной в своем могуществе. Он изобразил бы ее всадницей со сложенными крыльями. Она оглядывает с высоты поле битвы, лицо точно вырезано из камня, она решает, кому выжить, а кому умереть.

– Мы еще ждем результатов токсикологии, но на столике рядом с телом вашего брата были найдены таблетки и пол-

бутылки виски бурбона. И в стакане оставалось налито на палец.

Наркотики, алкоголь, убийство, самоубийство. Семья этого не переживет. С этим нужно что-то делать, детективы должны понять, что идут ложным путем.

– Наркотики, бурбон – без вопросов. Оливер не был святошей, но остальное? Я в это не верю. Свидетель либо лжет, либо заблуждается.

– У свидетеля нет причин лгать.

В этот момент Файн увидела Лайлу, которая заходила в участок. К бретельке ее платья был приколот бейджик посетителя. Файн встала и направилась к ней.

– Мисс Эмерсон! Вспомнили еще что-то?

– Нет, извините, просто у меня никак не идет из головы. Перед глазами стоит, как она падает, как умоляет его, а он потом... Извините. Мне нужно было проветриться, и я решила узнать, закрыли ли вы дело. Удалось ли вам выяснить, что произошло.

– Следствие еще ведется. Мы ждем отчетов, проводим опросы. На это нужно время.

– Понимаю. Простите. Вы сообщите мне, когда все закончится?

– Непременно. Вы нам очень помогли.

– А теперь путаюсь у вас под ногами. Я уже ухожу. У вас много дел.

Она обвела взглядом помещение. Столы, телефоны, ком-

пьютеры, горы файлов и горстка сотрудников за работой.

И мужчина в черной футболке и джинсах, аккуратно складывающий часы в мягкую сумку.

– У вас много дел.

– Мы признательны вам за помощь.

Файн подождала, пока Лайла покинет участок, и вернулась на место.

– Слушайте, я рассказал вам все, что знаю, – проговорил Эш, поднимаясь. – И не один раз. Мне нужно сообщить его матери и всем родным. Все это требует времени.

– Понимаю. Возможно, мы побеспокоим вас еще раз и сообщим, когда вы сможете попасть в квартиру. Соболезную вашей утрате, мистер Арчер.

Он молча кивнул и вышел.

И тотчас принялся высматривать брюнетку в легком летнем платье. Она спускалась по лестнице – юбка сочного зеленого оттенка и длинные прямые волосы цвета мокко, собранные в хвост.

Эш плохо слышал, о чем она говорила с детективом Файн, но суть уловил: эта девушка видела что-то, связанное с гибелью Оливера.

Хотя на лестнице, равно как в коридорах и в дежурной части, было не протолкнуться, он догнал ее и коснулся плеча.

– Простите, мисс... Извините, я не расслышал, как вас зовут.

– Лайла. Лайла Эмерсон.

– Ясно. Вы не уделите мне несколько минут?

– Хорошо. Вы работаете с детективами Файн и Уотерстоун?

– В каком-то смысле.

В вестибюле, где полицейские сновали туда-сюда, а посетители объяснялись с охраной, Лайла сняла бейджик и положила его на стойку сержанта. После недолгого колебания Эш достал из кармана свой и последовал ее примеру.

– Я брат Оливера.

– Оливера? – Она не сразу поняла, о ком идет речь, из чего Эш заключил, что Оливера она не знала. – О, простите. Мои соболезнования.

– Спасибо. Мы могли бы поговорить об этом, это может...

– Мне кажется, это не положено. – Она посмотрела по сторонам, оценивая ситуацию. Потом снова перевела взгляд на его понурое лицо. – Я не знаю.

– Чашка кофе. Позвольте угостить вас чашкой кофе. В общественном месте. Здесь неподалеку должна быть кофейня, где всегда много копов. Прошу вас.

Глаза у него были, как у Томаса, – цепкие, зеленые – но в них сквозила печаль. И черты лица были острые, точно их вырезали хорошо заточенным, твердым резцом. Щетина придавала ему интригующе опасный вид, но глаза...

Он только что потерял брата – более того, его брат отнял две жизни сразу. Смерть тяжела сама по себе, а убийство, помноженное на самоубийство, станут для его семьи сокру-

шительным ударом.

– Хорошо. Тут, напротив, есть одно местечко.

– Спасибо. Я Эш, – он протянул руку. – Эштон Арчер.

Что-то шевельнулось в ее мозгу, когда он назвал себя, но она в свою очередь протянула руку.

– Лайла.

На выходе из участка она показала на кофейню через дорогу, и он кивнул.

– Я вам очень сочувствую, – сказала она, когда они стояли на светофоре рядом с женщиной, которая громко ругалась по мобильному. – Не могу представить, каково это – лишиться брата. У меня нет брата, но от одной мысли становится страшно. У вас еще есть родные?

– Братья и сестры?

– Да.

Эш посмотрел на нее с высоты своего роста, когда они пошли через дорогу, оттираемые друг от друга потоком пешеходов.

– Нас четырнадцать. Точнее, теперь уже тринадцать. Несчастливое число, – сказал он отчасти самому себе.

Женщина с телефоном вышагивала рядом с Лайлой, ее голос звучал все резче и пронзительней. Прямо перед ними двигались две девчушки, насмешничая над парнем по имени Брэд. Пара машин подала сигнал, когда свет переключился.

Разумеется, Лайла не расслышала его слов.

– Простите, что?

– Тринадцать – несчастливое число.

– Нет, я не об этом. Вы сказали, что у вас тринадцать братьев и сестер?

– Двенадцать. Я тринадцатый.

Он распахнул дверь кофейни, где витали запахи кофе и выпечки и слышался шум голосов.

– Ваша мама, должно быть... – «ненормальная», мелькнуло у нее в голове, – ...потрясающая женщина.

– Я тоже так думаю. Но это все сводные или единокровные братья и сестры, – добавил он, садясь за столик. – Отец был женат пять раз. Мама трижды выходила замуж.

– Ну и ну!

– Да. Вот такая современная американская семья.

– В Рождество у вас, должно быть, сумасшедший дом. Они все живут в Нью-Йорке?

– Вообще-то, нет. Кофе? – поинтересовался он, когда подошла официантка.

– Лучше лимонад. От кофе меня уже воротит.

– А мне кофе. Черный.

Он откинулся на спинку и посмотрел на нее изучающим взглядом. Хорошее лицо, решил он, свежее и открытое, хотя со следами стресса и усталости, особенно возле глаз. Они были глубокие, темно-карие, под цвет волос, с тонкой золотистой каймой вокруг радужки. Цыганские глаза, и, хотя ничего экзотического в ней не было, он тотчас представил ее в красном лифе и пышной юбке со множеством разноцветных

оборок. Она танцует, крутится, волосы разлетаются. Заразительно смеется на фоне полыхающего костра.

– Вы в порядке? Глупый вопрос, – тотчас одернула она себя. – Конечно, нет.

– Нет. Простите. – Не время, не место и не эта женщина, сказал он себе и снова подался вперед. – Вы не были знакомы с Оливером?

– Нет.

– А с женщиной? Как ее звали – Розмари?

– Сейдж. Тоже название травы¹. Нет, я их не знала. Я проживаю в том же комплексе и, глядя в окно, увидела...

– Что вы увидели? – Он накрыл ее руку своей и, почувствовав, что Лайла напряглась, сразу убрал руку. – Расскажите, что вы видели.

– Я видела ее. Она была расстроена, плакала, и кто-то ее ударил.

– Кто-то?

– Его я не видела. Но вашего брата мне видеть случалось. Я видела их вместе в квартире несколько раз. Они разговаривали, ругались, мирились. Вы и сами все знаете.

– Боюсь, не вполне. Окна ее квартиры прямо напротив вашей? Их квартиры, – поправился он. – В полиции сказали, он жил здесь.

– Не совсем так. И это не моя квартира. Я там временно проживаю. – Она дождалась, пока официантка поставит ли-

---

¹ Сейдж буквально означает «шалфей» (англ.).

монад и кофе, и поблагодарила ее с улыбкой. – Я пробуду там несколько недель, пока хозяева в отпуске, и... знаю, это прозвучит дико и бестактно, но мне нравится наблюдать за людьми. Я бываю в разных занятных местах и беру с собой бинокль, так что я...

– Играли в Джимми Стюарта?

– Да! – со смехом и облегчением выдохнула она. – Да, как в фильме «Окно во двор», только тут никак не ожидаешь увидеть, как Реймонд Берр складывает в сундук части тела своей жены и вытаскивает его наружу. Или это был чемодан? Впрочем, неважно. Я не считаю это шпионажем, точнее, не считала до того, как это случилось. Просто весь мир – театр, и мне нравится быть в зрительном зале.

– Значит, Оливера вы не видели, – резюмировал он. – Вы не видели, как он ее ударил? Вытолкнул из окна?

– Нет. Я сказала об этом полиции. Я видела, как ее ударили, но кто именно, было не разглядеть. Она плакала, была напугана, умоляла – я видела только ее лицо. Я схватила телефон, чтобы набрать службу спасения, и тут... Она выпала из окна. Стекло разбилось, она вылетела и упала.

Он снова накрыл ее руку своей, потому что рука у нее дрожала.

– Не принимайте так близко к сердцу.

– Эта сцена все время стоит у меня перед глазами. Стекло разбивается, и она падает, широко раскинув руки, молотя ногами воздух. Я слышу, как она кричит, но это у меня в

голове. Ее крик я не слышала. Я сочувствую вам из-за брата, но...

– Он этого не делал.

Помолчав, она взяла стакан и сделала глоток лимонада.

– Он не был на это способен, – сказал Эш.

Лайла подняла на него взгляд, исполненный сострадания. «Она не валькирия, – мелькнуло у него в голове. – Слишком много эмпатии».

– То, что случилось, ужасно.

– Думаете, я не в силах принять тот факт, что мой брат мог убить, а потом покончить с собой? Это не так. Просто я *знаю*, что он не мог. Мы не были близки. Не виделись месяцами, да и тогда мельком. Он был дружен с Жизель, они почти одного возраста. Но она в...

Его снова накрыла печаль.

– Точно не знаю, где. Возможно, в Париже. Нужно выяснить. Оливер был занозой в заднице, – продолжал Эш. – Игрок без инстинкта убийцы, который определяет класс игрока. Уйма обаяния, уйма дерьма и уйма грандиозных идей при отсутствии способностей воплотить их в жизнь. Но он никогда не поднял бы руку на женщину.

Эш вспомнил, что Лайла подглядывала за ними.

– Вы говорите, они много ругались. Он хоть раз ударил или толкнул ее на ваших глазах?

– Нет, но...

– Будь он под кайфом, или в стельку пьян, или то и другое,

он никогда не поднял бы руку на женщину. И не убил бы – ни ее, ни себя. В какое бы дерьмо он ни вляпался, он всегда был уверен в том, что кто-нибудь его вытащит. Оливер был несокрушимым оптимистом.

– Иногда мы знаем людей не так хорошо, как нам кажется, – осторожно заметила Лайла. Ей хотелось быть доброй.

– Вы правы. Он был влюблен. Оливер был или влюблен, или в поисках любви. Это была его стихия. Устав от отношений, он сваливал в закат – брал паузу, потом отправлял возлюбленной дорогой презент со словами сожаления. «Дело не в тебе, а во мне» – что-то в таком духе. Выматывающих душу расставаний он не выносил, предпочитал быстрый, жесткий разрыв. И он был слишком тщеславен, чтобы сунуть в рот пистолет и нажать на курок. Приди ему мысль о самоубийстве – а он никогда бы не впал в такое отчаяние, – он предпочел бы снотворное.

– Я думаю, это произошло случайно. Я про ее гибель. В пылу ссоры – вероятно, в такие моменты ваш брат себя не контролировал.

Эш покачал головой:

– Он позвонил бы мне или сбежал. Он самый младший в семье и единственный сын своей матери. Его избаловали сверх меры. Попав в переделку, он звонил кому-нибудь, чтобы его вытащили. Это была его рефлекторная реакция. «Эш, я тут вляпался. Помогите разгрести!»

– Обычно он звонил вам?

– С большими проблемами – мне. И он никогда не мешал «колеса» с бурбоном, – добавил Эш. – Одна из его бывших из-за этого откинулась, и он испугался до чертиков. Либо то, либо другое, порой он мог перебрать, но только что-то одно. Тут что-то не срастается, – настаивал он. – Вы говорите, что видели их вместе, наблюдали за ними.

Лайла неловко поежилась:

– Да. Ужасная привычка. С ней нужно бороться.

– Вы видели, как они скандалили, но он никогда не поднимал на нее руку.

– Нет. Скорее нападала она – швырялась всем подряд, била посуду. Как-то бросила в него туфлю.

– А он что делал?

– Увертывался. – Лайла слегка улыбнулась, и в правом углу ее рта появилась славная ямочка. – У него была хорошая реакция. По-моему, это она на него орала и однажды даже толкнула. А он безостановочно говорил, жестикулировал, и все движения были такие ловкие. Поэтому я прозвала его Мистер Рефлекс. – Она сокрушенно посмотрела на него большими темными глазами. – О боже. Извините.

– Нет, это верно подмечено. У Оливера действительно были отличные рефлексы. Может, он злился на нее? Угрожал? Проявлял агрессию? Толкал в ответ?

– Нет. Он смешил ее. По ней было видно, что она не хочет смеяться, и потому она отворачивалась. И тогда он подходил к ней, и они начинали... целоваться. Если люди не хотят,

чтобы за ними наблюдали, пусть задергивают шторы.

– Значит, она швырялась всем подряд, орала на него и толкала. А он убалтывал и сводил ссору к сексу? В этом весь Оливер.

В самом деле: он никогда не распускал руки, задумалась Лайла. Ссоры, скандалы и стычки происходили каждый день, но он никогда не замахивался на нее. И пальцем не касался, если не считать прелюдии к сексу.

И все же...

– Однако он вытолкнул ее из окна, и сам застрелился.

– Ее вытолкнули из окна, но это сделал не Оливер – и он не стрелял в себя. В квартире был кто-то еще. Там был кто-то еще, – снова сказал Эш, – и этот кто-то убил их обоих. Вопрос – кто и почему.

В таком изложении это звучало правдоподобно. Это представлялось... логичным, и логика заставила ее усомниться.

– По-моему, напрашивается еще один вопрос – как?

– Вы правы. Итого три вопроса. Найдем ответ на один, возможно, ответим на все остальные.

Он смотрел на нее цепким взглядом и видел в ее глазах не только сочувствие. В них зарождался интерес.

– Могу я подняться в вашу квартиру?

– Что?

– Копы пока не пускают меня в квартиру Оливера. Я хочу посмотреть на нее с того ракурса, какой был у вас той ночью. Мы плохо знакомы, – добавил он, прежде чем она раскрыла

рот. – Кто-нибудь может составить вам компанию, чтобы мы не оставались наедине?

– Пожалуй. Я попробую это устроить, но ничего не обещаю.

– Отлично. Я дам вам свой номер телефона. Если получится, позвоните. Мне просто нужно посмотреть, только и всего.

Она достала телефон и вбила его номер в контакты.

– Мне пора. Я и так задержалась дольше, чем следовало.

– Спасибо, что поговорили. И выслушали.

– Я соболезную вашей утрате. – Уходя, Лайла легко коснулась его плеча. – Соболезную вам, матери Оливера и всей вашей семье. Я надеюсь, вы получите ответы, какими бы они ни были. Если все устроится, я вам позвоню.

– Спасибо.

Лайла ушла, а он остался сидеть за столиком, глядя в чашку с кофе, к которому так и не притронулся.

Глава 3

Лайла позвонила Джули и, пока поливала растения, собирала урожай помидоров и играла с котом, вывалила ей всю историю.

Подруга ахала, изумлялась, сочувствовала – Лайле хватило бы и этого, но Джули поведала кое-что еще.

– Я слышала об этом в утренних новостях, когда собиралась на работу, и в галерее только об этом и говорят. Мы немного знали ее.

– Блонди? – Она поморщилась, сейчас ее саму покорило от этого прозвища. – Я имею в виду Сейдж Кендалл.

– Немного. Она несколько раз заходила в галерею и даже приобрела пару очень славных вещиц. Не через меня, я с ней не работала, но нас познакомили. Я сразу не увязала эти факты. Даже когда в новостях упомянули Западный Челси. Номер дома я не расслышала, если его вообще упомянули.

– Сейчас уже, наверное, сообщили. Внизу ходят люди, фотографируют. И телевизионщики понаехали.

– Это кошмар. Такого врагу не пожелаешь – сочувствую тебе, дорогая. Утром не сообщили фамилию парня, который ее вытолкнул, а после покончил с собой. А потом я новости не проверяла.

– Оливер Арчер. Я столкнулась с его братом в полицейском участке.

– Как... неловко.

– На деле все оказалось не так плохо.

Лайла сидела на полу в ванной, старательно оттирая пятна на полозьях ящика туалетного столика. Ящик постоянно заедал, и она была настроена решить эту проблему.

– Он угостил меня лимонадом, – продолжала она, – а я рассказала ему, что видела.

– Ты пошла с ним в кафе? Господи, Лайла, возможно, они с братцем маньяки, мафиози или серийные убийцы, которые работали на пару. Или...

– Мы пошли в кофейню напротив, где в это время было пятеро полицейских как минимум. Мне было его жаль, Джули. Он был подавлен, пытался понять то, что не поддается пониманию. Он не верит, что брат убил Сейдж и покончил с собой, и очень логично обосновал это.

– Да кто поверит, что брат способен на такое?

– Это я понимаю, – Лайла аккуратно сдунула пыль с полозьев, – и тоже так думала поначалу. Но, как я уже сказала, он очень логично все обосновал.

Она подвигала ящик взад-вперед и удовлетворенно кивнула. Теперь порядок.

– Он хочет зайти сюда и взглянуть на квартиру с этого ракурса.

– Ты в своем уме?

– погоди. Он предложил, чтобы кто-нибудь составил мне компанию, да я и сама не согласилась бы иначе. Пока я ниче-

го не решила, сначала я про него погуглю. Нужно убедиться, что за ним не водится гнусных делишек – жен, скончавшихся при странных обстоятельствах, или родственников. У него, по его словам, двенадцать братьев и сестер – единокровных и сводных.

– Серьезно?

– Я сама в шоке. Нужно знать наверняка, что у них в прошлом нет темных пятен.

– Только не говори, что ты дала ему свой адрес.

– Я не дала ему ни адреса, ни номера телефона. – Лайла нахмурилась, укладывая в ящик косметику. – Я не настолько глупа, Джули.

– Но ты слишком доверчива. Я сейчас сама погуглю. Как там его? Если, конечно, он назвался своим *настоящим* именем.

– Разумеется, настоящим. Эштон Арчер. Звучит по-киношному, но...

– Погоди-ка. Эштон Арчер, говоришь? Высокий, худощавый и очень симпатичный? Брюнет с зелеными глазами?

– Да. Откуда ты узнала?

– Потому что мы с ним знакомы. Он художник, причем неплохой. Я управляю художественной галереей, мы на хорошем счету, и в Нью-Йорке он выставляется в основном у нас. Наши пути пересекались многократно.

– То-то его фамилия показалась мне знакомой, но я подумала, что это из-за брата. «Скрипачка на лугу» – это его? Там

еще руины замка и полная луна на заднем плане. Помнится, я сказала, что купила бы ее, будь у меня стена, на которую ее можно повесить.

– Его самого.

– А может, у него были жены, которые скончались при странных обстоятельствах?

– Насколько мне известно, нет. Он не женат, но состоял в отношениях с Келси Нанн, примой-балериной Американского балета. Возможно, они до сих пор вместе, нужно узнать. У него солидная профессиональная репутация, и, в отличие от многих своих собратьев, он не производит впечатления конченого невротика. Явно любит свою работу. Семейный капитал с обеих сторон. Отец занимается недвижимостью и застройкой, мать – грузоперевозками. Еще что-нибудь погуглить?

Он не *показался* ей богачом. Вот его брат – другое дело. Но человек, который сидел напротив нее в кофейне, никак не выглядел на миллионы. Он выглядел подавленным и смятенным.

– Я сама погуглю. В общем, из твоих слов следует, что он не выбросит меня из окна.

– Пожалуй, шансов мало. Он мне симпатичен – по-человечески и профессионально, и мне жаль, что его брат погиб. Хотя он убил нашу клиентку.

– Тогда я разрешу ему прийти. Раз сама Джули Брайант дала добро.

– Не гони лошадей, Лайла.

– Я про завтра. Сегодня я уже слишком устала. Я хотела тебя попросить снова прийти, но валюсь с ног.

– А ты лежи в ванне, благо она там шикарная. Зажги свечи, почитай книжку. Потом надень пижаму, закажи пиццу, посмотри по телевизору романтическую комедию, обними кота и усни.

– Звучит упоительно, как идеальное свидание.

– Претворяй в жизнь и, если передумаешь и захочешь компании, звони. А я пока еще спрашиваю насчет Эштона Арчера. У меня большой круг знакомых. И если буду удовлетворена, тогда дам добро. Завтра поговорим.

– Договорились.

Прежде чем отправиться в ванную, Лайла вышла на террасу. Стоя под лучами уже вечернего, но еще припекающего солнца, она смотрела на окно, теперь закрытое ставнями, за которым когда-то бурлила жизнь.

* * *

Джей Мэддок шла за Лайлой до входа в здание – там тощая брюнетка остановилась переброситься парой слов со швейцаром.

Джей правильно поступила, когда доверилась своему чутью и последовала за ней, а Ивану поручила присматривать за братцем.

Это отнюдь не совпадение, что брюнетка с братцем вместе вышли из полицейского участка, а потом долго разговаривали, если учесть, что девица, похоже, проживает в том же многоквартирном комплексе, что и болван со своей сучкой.

Говорят, у полиции есть свидетель. Должно быть, это она и есть.

Но что именно она видела?

Опять же, говорят, что полиция расследует дело по факту убийства и самоубийства. Джей была невысокого мнения о полиции, но при любом раскладе, со свидетелем или без, вряд ли следствие затянется надолго. Пришлось действовать оперативно, по ситуации, когда Иван перестарался с сучкой.

Боссу не понравилось, что болвана шлепнули прежде, чем он раскололся. Когда босс недоволен, жди неприятностей. Орудием этих неприятностей обычно была она, Джей, но попасть под раздачу самой ей не улыбалось.

Значит, проблему нужно решать. И она сложит этот пазл. Пазлы – ее конек. Болван, сучка, дохлячка и братец.

Как они связаны между собой и как сделать так, чтобы с их помощью боссу достался большой куш?

Джей пораскинет мозгами, все проанализирует и найдет решение.

Размышляя, она шла по улице. Влажная жара и многолюдный город ей были по душе. Мужчины обращали на нее внимание и провожали взглядами. Оно и понятно: таких, как она, – одна на миллион. Но в этом знойном, запруженном

толпами городе даже она не оставалась в памяти надолго. В моменты благодушия босс называл ее своим «азиатским дамплингом», но босс был... своеобразным человеком.

Она была для него орудием, порой – домашним питомцем или избалованным ребенком и благодарила судьбу за то, что он не видел в ней любовницу. Потому что тогда ей пришлось бы с ним спать, а эта мысль коробила даже ее не столь чувствительную натуру.

Джей остановилась у витрины, залюбовавшись выставленными в ней туфлями на высоких золотых шпильках и с тонкими ремешками леопардовой расцветки. Было время, когда она радовалась одной паре туфель. Теперь она может позволить себе сколько угодно. Но воспоминание об отекавших, со вздувшимися волдырями ногах, о голоде, лютотом и почти смертельном, преследовало ее годами.

Будь у нее сейчас бизнес в Китае, она останавливалась бы в самых шикарных отелях, и даже тогда воспоминания о грязи и голоде, о жутком холоде или нестерпимой жаре не покидали ее.

Но деньги, кровь, власть и красивые туфли снова прогнали призраков прошлого.

Она хотела эти туфли, прямо сейчас, и решительным шагом вошла в магазин.

Десять минут спустя она ступила на тротуар, любуясь тем, как новые туфли подчеркивают острые контуры ее икроножных мышц. Она шла, беззаботно помахивая пакетом – эф-

фектная азиатка в черных укороченных брюках в обтяжку, в черной облегающей блузке и в экзотических туфлях. Длинные иссиня-черные волосы, собранные на макушке в хвост, струятся по спине, черты лица обманчиво нежные, полные красные губы и большие миндалевидные глаза в обрамлении угольно-черных ресниц.

Да, мужики пялились на нее, и женщины тоже. Мужики хотели ее трахнуть, а женщины – быть на нее похожей – и некоторые тоже трахнуть.

Но пусть обломятся. Она была пулей в темноте, ножом, бесшумно перерезающим горло.

Она убивала, потому что могла. Потому что за это очень хорошо платили. А главное, потому что любила убивать. Она любила это больше туфель, больше, чем заниматься сексом, есть, пить и дышать.

Убьет ли она дохлячку-брюнетку и братца того болвана? Это зависело от того, как сложится пазл, но сама мысль представлялась ей здоровой и приятной.

В сумке звякнул телефон – она достала его и удовлетворенно кивнула. Теперь у женщины с фотографии, которую она сделала, было имя и адрес.

Лайла Эмерсон. Только дом, в который она вошла, имеет другой адрес.

Странно. Но это не совпадение, что она вошла именно сюда. И раз она здесь, значит, не проживает по адресу, указанному в телефоне.

Возможно, по адресу этой Лайлы Эмерсон обнаружится что-то полезное и стоящее внимания.

* * *

Джули открыла дверь квартиры, когда шел десятый час, и сразу скинула туфли. Зря она поддалась на уговоры коллег пойти в клуб сальсы. Весело, да, но теперь ноги как чугунные – гудят и ноют.

Сейчас бы в теплую ароматную ванну, выпить побольше воды, чтобы избавиться от токсинов после всех «Маргарит», и завалиться спать.

«Это что – подкатывает старость? – думала она, запирая дверь. – Выдыхаюсь? Скипаю?»

Да нет. Это просто дает себя знать усталость. Она переживает за Лайлу, еще не оправилась от разрыва с Дэвидом, да и четырнадцать часов работы и последующего угара не прошли даром.

И тот факт, что ей тридцать два, она не замужем, без детей и спит одна, тут ни при чем.

У меня шикарная карьера, уверяла она себя, направляясь напрямик в кухню и хватаясь за бутылку воды «Фиджи». Я люблю свою работу, коллег и знакомых. Художников, ценителей искусства, выставки и поездки.

Да, она разведена. Ладно, дважды разведена, но в первый раз она была не в своем уме – ей было восемнадцать, и брак

продлился меньше года. Так что это не считается.

Джули стояла посреди сверкающей навороченной кухни, где были солидные запасы воды и вина, а остальное – по мелочи, и спрашивала себя, почему ей так хреново.

Она любила работу, у нее был большой круг друзей, квартира, отвечавшая ее вкусу – именно *ее*, вот так-то – и шикарная гардеробная. Более того, она в основном была довольна своим внешним видом, особенно с тех пор, как год назад наняла Маркиза де Сада в качестве личного тренера.

Она подтянутая, привлекательная, интересная, независимая женщина, но все ее отношения длятся не более трех месяцев. А дальше – все, сказочке конец.

Может, не судьба? Она махнула рукой и направилась с водой в спальню, миновав гостиную, где мягкие нейтральные цвета перемежались электрическими вспышками модернистской живописи.

Может, кота завести? Коты – существа интересные и независимые. Ей бы такого милягу, как Томас, и тогда...

Она замерла, держа руку на выключателе. Пахло духами. *Ее* духами. Не «Риччи Риччи», которыми она пользовалась регулярно перед уходом на работу, а пряным интригующим «Будуаром», которыми душилась перед свиданиями, и то под настроение.

И хотя сейчас, благодаря сальсе от Джули пованивало потом, но этот запах она определила безошибочно.

Его просто не могло тут быть.

Зато изящный розовый флакон, увенчанный золотистой короной, должен был быть. А его не было.

Недоумевая, Джули подошла к туалетному столику. Антикварная шкатулка для безделушек, духи «Риччи Риччи» и высокая серебряная вазочка с одинокой красной лилией – все это стояло на своих местах.

А флакон «Будуара» исчез.

Может, она сама машинально переставила его? Но с какой стати? Да, утром она была с бодуна, чуть заторможенная и плохо отражала действительность, но она *точно* видела его здесь. Она пыталась надеть сережку и ругалась, уронив застежку – та упала на туалетный столик рядом с флаконом.

Тихо чертыхаясь, Джули отправилась в ванную и заглянула в бьюти-кейс, где хранила косметику – флакона не было. И помады «Ред Табу» от Ива Сен-Лорана тоже! И гелевой подводки «Бобби Браун»! Она положила их сюда, после того как на прошлой неделе совершила набег на магазин «Сефора».

Джули вернулась в спальню и на всякий случай проверила вечерние сумочки и дорожную косметичку, которую всегда держала наготове и брала с собой на Адскую свадебную неделю в Хэмптонсе.

Затем, уперев руки в бока, встала посреди гардеробной. И ахнула, когда увидела, точнее не увидела, новые, ни разу не ношенные «Маноло» – коралловые босоножки с ромбовидным узором на десятисантиметровой платформе.

Огорчение сменилось паникой. Джули рванула на кухню, достала из сумки телефон и позвонила в полицию.

Когда Лайла открыла дверь, было уже за полночь.

– Извини, – с порога сказала Джули. – После вчерашней ночи я совсем некстати.

– Не говори ерунды. Ты в порядке?

– Не знаю. Копы решили, что я не в своем уме. Может, так и есть.

– Брось. Давай-ка отвезем это в спальню.

Она взялась за ручку сумки и покатила ее в гостевую комнату.

– Да нет, я в своем уме. Вещи действительно пропали. Станный набор, скажу я тебе. Это кем надо быть, чтобы влезть в квартиру и украсть косметику, духи, босоножки и сумку с леопардовым принтом – очевидно, чтобы все это сложить? Это – взять, а картины, драгоценности, чудные чашки от «Баум Мерсье» и бабушкин жемчуг – оставить?

– Может, это была девочка-подросток?

– Никуда я их не перекладывала. Пусть копы думают, что хотят, но я эти вещи не перекладывала.

– Джули, ты всегда все кладешь на место. Может, это клининговая служба?

Подруга опустила на кровать:

– Копы и об этом спрашивали. Я пользуюсь этой службой шесть лет. Раз в две недели ко мне приходят одни и те же женщины. Они не станут рисковать работой ради косметики.

Кроме них, ключ и код от сигнализации есть только у тебя.

Лайла уперла палец себе в грудь:

– На мне вины нет.

– Мои босоножки тебе будут велики, красной помадой ты не пользуешься, а зря. Так что ты вне подозрений. Спасибо, что приютила. Я просто не могла оставаться там одна. Завтра сменю замки, а код я уже поменяла. Подросток, значит, – задумчиво проговорила она. – В доме они живут. Возможно, это действительно чья-то дурацкая шалость. Типа магазинной кражи.

– Возможно, дурацкая, но отнюдь не безобидная. Она рылась в твоих вещах, что-то украла. Надеюсь, полиция ее найдет.

– Девчонку в босоножках от Маноло, с красной помадой и запахом «Будуара»? – фыркнула Джули. – Ну-ну, мечтать не вредно!

– Чудеса случаются. – Лайла наклонилась и обняла подругу. – Завтра утром мы все поменяем. А сейчас хочешь чего-нибудь?

– Только выспаться. Я могу лечь на диване.

– Кровать большая, места хватит всем – тебе, мне и Томасу.

– Спасибо. Я сгоняю в душ по-быстрому? После работы ходила на сольсу.

– Здорово. Конечно, давай. Я оставлю твой ночник включенным.

– Да, чуть не забыла. – Джули поднялась, чтобы достать пижаму из сумки. – Эш прошел проверку. Я кое с кем пошутукалась, и вывод такой: порой он с головой уходит в работу, раздражается, когда беспокоят в неурочное время и, к неудовольствию своего агента и некоторых дам, нередко сторонится общения. В нарушении общественного порядка и насильственных действиях замечен не был, хотя однажды на вернисаже заехал по морде одному пьянчужке.

– Заехал по морде пьянчужке?

– Так мне сказали. Какой-то подвыпивший чувак якобы приставал к натурщице, а той это не нравилось. По словам моего информатора, это было за дело и произошло в лондонской галерее. Так что если надумаешь впустить его, Джули дает добро.

– Тогда, пожалуй, впусти.

Она легла, думая об украденной помаде, дизайнерских туфлях, убийстве, самоубийстве и о красавцах-художниках, которые бьют в морду пьянчуг.

Мысли проносились в ее голове, плавно перетекая в сон. Она не слышала, как юркнула в постель Джули и как довольно заурчал Томас, свернувшийся клубочком между ними.

* * *

Проснувшись, она почувствовала запах кофе – это всегда так приятно – и отправилась на кухню. Джули подогревала в

тостере бейглы, а Томас уплетал завтрак.

– Ты покормила кота, сварила кофе. Может, женишься на мне?

– Я подумывала взять кота, но вместо этого, пожалуй, женюсь на тебе.

– Можно и то и другое.

– Строго в порядке очереди.

Джули достала две прелестные креманки с ягодами.

– Ты и ягоды собрала.

– Ягоды у тебя были, а креманки хозяйские. Тут есть очаровательные штучки. Удивляюсь, как ты до сих пор не сунула нос во все эти шкафчики и ящики. Заметь, это говорит человек, в доме которого только что пошурудила малолетняя поганка.

Джули тряхнула огненно-рыжими волосами, глаза ее злобно блеснули.

– Пусть ее обсыплет прыщами.

– Кого – Мейси?

– Да нет, малолетнюю поганку.

– Понятно. Кофеин еще не добрался до мозга. Пусть у нее будут прыщи, брекеты и краш – звезда НФЛ, который даже не подозревает о ее существовании.

– Краш мне больше всего по душе, – заметила Джули. – Давай позавтракаем на террасе, как это, по моему разумению, делает знающая толк в жизни пара, которая тут живет. Потом я пойду одеваться – нужно возвращаться в реаль-

ность.

– У тебя отличная квартира.

– Тут поместятся две мои квартиры, а еще есть терраса – это большой плюс. Кроме того, в комплексе есть бассейн и тренажерный зал. А знаешь, я передумала, – сказала Джули, нагружая поднос, – как только на моем горизонте появится очередной богатый дядя, я тебя кину. Я выйду за него и перееду сюда.

– Да ты охотница за деньгами!

– Да, план такой. Через здешнюю охрану никакая прыщавая поганка не проберется.

– Пожалуй, нет. – Выйдя на террасу, Лайла посмотрела на закрытое ставнями окно. – Проскочить мимо охраны будет не так-то просто. Но... возможно, они сами кого-то впустили и оставили переночевать, или это сделал кто-то из жильцов, или тут действовал опытный грабитель. Только полиция ничего не говорила об ограблении.

– Он вытолкнул ее из окна, а затем застрелился. Лайла, мне жаль Эштона, но именно так все и произошло.

– Он убежден, что такого быть не могло. Он даже мысли об этом не допускает, – Лайла сделала взмах рукой. – Я позавтракаю с тобой, хотя ты и кинешь меня ради богатого ублюдка.

– Он будет красавчиком. Возможно, жгучих латиноамериканских кровей.

– Надо же! А мне он представляется тучным и лысым. –

Она отправила в рот несколько ягод. – Ладно, пока об этом можно забыть. Сегодня я займусь работой, буду писать весь день, а потом позвоню богатому красавчику Эштону Арчеру. Если хочет посмотреть, пусть смотрит. И на этом моя роль закончится, верно?

– А что еще ты можешь сделать? Пусть этим занимается полиция, а Эштону придется смириться с тем, что случилось. Это трудно. В колледже у меня была подруга, точнее знакомая, которая покончила с собой.

– Ты никогда об этом не рассказывала.

– Мы с ней были не очень близки, но хорошо общались. Симпатизировали друг другу, но о том, что творилось у нее на душе, я не знала. Ее бросил парень, хотя дело было не только в нем, но это, я думаю, послужило триггером. Она напилась снотворного. Ей было всего девятнадцать.

– Какой кошмар. – Лайла вдруг почувствовала весь ужас отчаяния. – Отменяю краш поганке. Пусть будут только прыщи.

– Любовь, даже надуманная, бывает трагической. И хватит об этом. Если хочешь, я приеду, когда придет Эштон.

– Нет, ради этого не стоит. Но если ты не готова вернуться к себе, оставайся сколько нужно.

– Все в порядке. С малолетней поганкой я как-нибудь справлюсь. Думаю, она пошарилась у меня и теперь пойдет разбойничать в другое место. – Джули тяжело вздохнула. – Черт, мне так нравились эти туфли. Надеюсь, она споткнется

и ломает себе лодыжку.

– Жестоко.

– А красть «Маноло», скажешь, нет?

«С этим не поспоришь», – подумала Лайла и принялась за кофе.

Глава 4

Как только Лайла вернулась к роману, все сразу пошло как по накатанной. Противостояние оборотней и козни одноклассниц были делом нешуточным, и она разругивала их до середины дня, пока Томас не дал понять, что заскучал.

Она прервалась на том месте, когда любимая кузина Кейли, попав в засаду, оказалась на волоске от смерти. Остановимся здесь, решила Лайла, а там посмотрим, как пойдет.

Она поиграла с Томасом шариком-дразнилкой, потом переключила его внимание на интерактивный мячик, а сама отправилась на террасу нарвать помидорок и срезать цинний для букета.

Дольше тянуть было нельзя. Взяв телефон, Лайла нашла номер Эша. Реальность подступила снова – прекрасное лицо, залитое слезами, ноги, молотящие воздух в стремительном падении, и жестокое столкновение тела с асфальтом.

Так было, и никуда от этого не деться, как ни старайся. Так что будем встречать проблему с поднятым забралом.

* * *

Эш работал под оглушительный грохот металла. Начал с Чайковского, решив, что он созвучен настроению, но парящие звуки только добавили тоски. Тогда он переключился

на бьющий по мозгам хеви-метал. И это сработало. Он сразу ощутил прилив сил. И изменил тональность картины.

Изначально ему представлялась русалка, лежащая на уступе скалы у бушующего моря, как воплощение сексуальности. Но сейчас в ней ощущалось что-то хищническое.

Теперь ему предстояло решить, будет ли русалка спасать тонущих моряков, чей корабль разбился о скалы, или же утащит их на дно?

Лунный свет – нет, не романтичный, а угрожающий – высвечивал зубцы скал и отражался задумчивым блеском в ее глазах цвета морского тумана.

Делая предварительные наброски, он и не думал про насилие. Тема жестокости не приходила ему на ум, когда он смотрел на натурщицу с копной угольно-черных волос и работал над эскизами.

Но теперь, когда он остался один на один с ревущей музыкой, бушующим штормом и иступленными мыслями, на полотне, стало оживать что-то зловещее.

«Она ждет», – подумал он.

Услышав звонок, он сразу почувствовал раздражение. Эш всегда отключал телефон во время работы. Если не устанавливать границы, то при такой семейке, как у них, его круглосуточно будут донимать звонками, сообщениями и имейлами.

Но сегодня он счел нужным не отключать телефон. Правда, даже сейчас ответил только на третий звонок, когда

вспомнил, зачем оставил его включенным.

Он отложил кисть, потом небрежно бросил другую, которую держал зажатой в зубах, и потянулся за телефоном.

– Арчер.

– Это Лайла. Лайла Эмерсон. Я... вы на вечеринке?

– Нет. А что?

– Музыка громкая.

Он поискал пульт, который оказался в одной из банок, и отключил музыку.

– Простите.

– Да ничего. «Айрон Мэйден» и нужно слушать на полную громкость, иначе какой смысл? Вы, наверное, работали – простите, что помешала. Я вот что хотела сказать. Если вы еще хотите взглянуть на... взглянуть с того места, где я стояла в ту ночь, то приходите.

Сначала его удивило, что она опознала «Айрон Мэйден» по их древнему хиту «Асы в небе», а затем – что правильно предположила насчет работы под оглушительную музыку.

Но эти мысли он оставил на потом.

– Сейчас удобно?

– Э-э...

«Не дави, – одернул он себя. – Это скверная тактика».

– Скажите, когда вам удобно. В любое время.

– Сейчас можно. Я просто не ожидала. Сейчас отлично.

Запишите адрес.

Он схватил карандаш и быстро написал под ее диктовку.

– Готово. Буду примерно через полчаса. Спасибо.

– Все... – Она поймала себя на том, что собирается в очередной раз сказать «в порядке». – На вашем месте я бы поступила так же. До встречи.

«Ну, дело сделано», – подумала она. Как следует вести себя в подобной ситуации, а, Томас? Поставить на стол тарелку с сырной нарезкой и кунжутными крекерами? Нет, ты прав. Это глупо. Макияж? И снова ты мудр не по годам, мой юный ученик. Категорическое да. Небрежный внешний вид – дурной тон.

Домашние шорты и заношенную розовую футболку с принтом «Чудо-близнецов» – долой. Она уже не маленькая.

И жаль, что она не приготовила холодный чай – это тоже выглядит солидно, по-взрослому, но сейчас уже не было времени, так что в случае чего она подаст кофе.

Лайла не успела закончить приготовления, когда послышался звонок в дверь.

Как неловко, подумалось ей. Как это все неловко. Она посмотрела в «глазок»: сегодня на нем была синяя футболка, а щетина стала гуще. Темные волосы взлохмачены, в зеленых по-кошачьи цепких глазах затаилось нетерпение.

Интересно, будь он упитанным, лысым или на двадцать лет старше, ей было бы менее неловко? Хотя бы что-то одно, чтобы ее биологические инстинкты не срабатывали все разом.

Не та ситуация, чтобы думать про инстинкты, напомнила

она себе и открыла дверь.

– Привет. Проходите. – Она подумала пожать ему руку, но это выглядело бы сухо и формально. Поэтому она вскинула свою и сразу опустила. – Понятия не имею, как вести себя в такой ситуации. Все это так дико и странно.

– Вы позвонили. Я пришел. Начало положено.

Томас, которому было неведомо чувство неловкости, ткнулся в ноги Эшу.

– Это ваш кот или хозяев?

– Их. Но Томас – отличная компания. Я буду по нему скучать.

Эш провел рукой по кошачьей спине от головы до хвоста, как это часто делала она сама.

– А у вас бывает так, что, просыпаясь утром, вы чувствуете себя дезориентированной – мол, где это я?

– Со мной такого давно не бывало. Смена временных поясов выбивает из колеи, но в основном я работаю в Нью-Йорке и поблизости.

– Симпатичная квартира, – он выпрямился. – Хорошее освещение.

– Согласна. И спасибо, что начали с нейтральных вопросов и дали мне время прийти в себя. Пойдемте, я покажу вам, где стояла, когда все произошло. Это самое трудное, и пусть это будет позади.

– Хорошо.

– Я заняла гостевую комнату, одно из ее окон выходит

на запад. Той ночью после ухода Джули я была на взводе. Кстати, она вас знает. Джули Брайант. Управляющая художественной галереей «Chelsea Arts».

«Это та высокая очаровательная особа с рыжими волосами, – подумал он. – У нее отменный вкус и чертовски приятный смех».

– Вы знакомы с Джули?

– Мы давние подруги. Той ночью она пробыла у меня почти до полуночи. Мы пили вино, потом объелись капкейками, поэтому мне не спалось. И я взялась за него. – Она указала на бинокль. – Я придумываю истории, но это моя работа. Здешние окна подкидывают пищу воображению, поэтому я решила проверить, как развиваются сюжеты. Понимаю, звучит абсурдно.

– Отнюдь. Я выдумываю образы – это тоже своего рода истории.

– Хорошо. В том смысле, что это не звучит абсурдно. И тогда я увидела ее. Сейдж Кендалл.

– В окне, которое сейчас закрыто ставнями?

– Да. То, что слева, с балкончиком, – это спальня.

– Глядя в окуляры, попадаешь прямоиком на сцену, да? – заметил он, поднося к глазам бинокль.

– Для меня всегда это было развлечением, с самого детства. Как телевизор, кино или книги. Пару лет назад, в Париже, я предотвратила кражу. Увидела, как кто-то лезет в квартиру напротив, когда жильцов не было дома.

– Путешествия, приключения и детективные истории – вот она жизнь хаусситтера.

– Детективные – это сильно сказано, но...

– Но Оливера вы не видели. Моего брата.

– Нет, только ее. В спальне света не было, а в гостиной он был приглушен. Она стояла перед окном. Вот так. – Лайла подошла к окну и встала под углом. – Она говорила с кем-то, кто, очевидно, стоял слева, в простенке между окнами. Я видела, как он ее ударил. Удар был мгновенный, но руку я увидела. Я точно помню, как запрокинулась ее голова и как она поднесла руку к лицу. Вот так.

Лайла прижала ладонь к щеке.

– Он ударил ее еще раз. Я видела только кулак и темный рукав – это было очень быстро, едва заметно. Телефон лежал там, на столике у кровати. Я схватила его и снова посмотрела в окно. Она стояла, прижавшись к стеклу. Я видела только ее спину и волосы, выбившиеся из прически.

– Покажите, как она стояла. Ничего, что я прошу?

– Вот так...

Лайла повернулась спиной к окну и, перегнувшись через подоконник, прижалась к стеклу.

– И вы видели только ее. Уверены?

– Да, я уверена.

– Она была высокой – метр семьдесят восемь, я уточнил. – Он опустил бинокль. – Оливер был моего роста, метр восемьдесят пять. То есть он был на семь сантиметров выше и

прижимал ее к окну...

Эш подошел ближе.

– Не волнуйтесь, я просто хочу показать. – Он осторожно взял ее за плечи и слегка надавил. Она кожей ощутила тепло его рук, точно ткани не было. – Если он держал ее таким образом, она должна была отклониться назад, как вы сейчас.

У Лайлы екнуло сердце. У него и в мыслях не было вытолкнуть ее из окна – она не боялась этого, ни его самого. Но силилась понять, почему такая жуткая вещь, как инсценировка убийства, вызывает в ней такое волнение.

– Теперь скажите, почему вы его не видели, – требовательно поинтересовался Эш. – Окажись здесь сторонний наблюдатель, он бы увидел меня поверх вашей головы.

– Во мне всего метр шестьдесят пять. Она была на полголовы выше меня.

– И даже в этом случае его голова виднелась бы поверх ее. Вы могли бы отчасти разглядеть его лицо.

– Я никого не видела. Но ведь она могла быть на каблуках. Она любила огромные шпильки... Впрочем, нет, туфель на ней не было.

Лайле вспомнились ноги Сейдж, отчаянно молотящие воздух. Они были голые.

– Она была без каблуков. Она вообще была босая.

– Тогда вы должны были видеть его лицо. Хотя бы частично.

– Я не видела.

– Возможно, потому, что тот, кто ее толкнул, был ниже Оливера. И ниже ее. – Эш снова поднес к глазам бинокль. – Значит, вы видели кулак и черный рукав?

– Да, в этом я уверена. Это сразу приходит на память, когда я пытаюсь все вспомнить.

– Значит, нападавший был примерно ее роста в черной рубашке. Нужно узнать в полиции, в чем был одет Оливер.

– Но рубашка могла быть темно-синяя или темно-серая. Освещение было тусклым.

– Одним словом – темная.

– Я уже убедила себя в том, что, кроме них двоих, там никого не было. Вы убедили меня в обратном, – сказала Лайла, когда он снова посмотрел на нее. – Потом я снова себя разубедила, и теперь вы опять меня убедили. Не знаю, что хуже.

– Дело не в том, что хуже, а что лучше. – Он снова опустил бинокль. В его глазах плескался гнев, он сам был сгустком гнева. – А в том, где правда.

– Надеюсь, вы доберетесь до нее. Можем пройти на террасу – оттуда здание видно под другим углом. Подышим свежим воздухом.

Не дожидаясь ответа, Лайла пошла вперед. Он помедлил, потом взял бинокль и направился следом.

– Я хочу воды. А вы?

– Да, было бы здорово.

И чуть больше времени ему тоже не помешает. Минув обеденную зону, он последовал за ней на кухню.

– Рабочее место?

– Ноутбук везде поместится. Я стараюсь не расплзаться в пространстве. Вещи можно забыть, а это вызывает недовольство клиентов.

– Значит, это здесь вы сочиняете истории про подростков-оборотней?

– Да. А откуда вы знаете? – И тут же отмахнулась. – Ясное дело, гугл! Куда же без него. А поскольку я навела справки о вас, то не мне жаловаться.

– Вы из семьи военных.

– Ознакомились с моей биографией? Да, за годы учебы я сменила семь школ, так что прекрасно понимаю Кейли, мою главную героиню, которая хочет остаться в своей школе.

– Мне знакомо это чувство. Жизнь переворачивают вверх дном не только военные приказы, но и разводы.

– Думаю, да. Сколько вам было лет, когда родители развелись?

– Когда они официально расстались – шесть. – Он следом за ней вышел на воздух, пропитанный зноем и дразнящими ароматами зреющих помидоров и душистых трав.

– Совсем кроха. Хотя это тяжело в любом возрасте. Тогда были только вы?

– Еще сестра, Хлоя, она на два года младше. Когда отец женился снова, у нас появились сводные сестры Кора и Порша. Во втором браке родился Оливер, но родители расстались, когда он был еще младенцем. Наша мама тоже вышла

замуж, и к семейству присоединилась сводная сестра Валентина. Потом на свет появился Эстебан и так далее до Райли – ей сейчас пятнадцать, и, возможно, она читала вашу книгу. А самой младшей, Мэдисон, всего четыре.

– Вашей сестре четыре года?

– Нынешняя жена отца младше меня. Одни коллекционируют марки, другие... – он пожал плечами.

– И как вы всех помните?

– Нарисовал генеалогическое древо.

Когда она засмеялась, он улыбнулся – и снова представил ее в красном платье, кружащейся в свете таборного костра.

– Кроме шуток. Когда получаешь приглашение на церемонию по случаю окончания колледжа или на свадьбу, неплохо бы понять, состоишь ли ты в прямом родстве с виновниками торжества. Кто занимается садом?

– Бесподобная Мейси. Я зову ее так, потому что она очень близка к совершенству. Хотела бы я быть на нее похожей. У нее есть ваша картина.

– Здесь, в этой квартире?

– Нет, простите. Иногда у меня мысли разбегаются. У Сейдж Кендалл. Мне рассказала Джули. Оказывается, она была с ней немного знакома. Сейдж заходила в галерею и купила вашу «Скрипачку на лугу». Я знаю эту картину, потому что говорила Джули, что купила бы ее, будь у меня стена, на которую ее можно повесить. Не думаю, что она была бы мне по средствам, но будь у меня стена и куча денег, я бы ее ку-

пила. Чудесная картина, и Сейдж, должно быть, так думала. Как это грустно. К черту воду. – Она оставила бутылку в сторону. – Хотите вина?

– Хочу.

– Хорошо.

Лайла встала и направилась на кухню.

Эш снова взялся за бинокль. Должно быть, это Оливер уговорил подружку купить картину. Опять нахвастался. Или она сама купила, чтобы сделать ему приятное. Как знать?

– А в квартире кто-нибудь еще бывал? Гости, ремонтники – хоть кто-нибудь? – поинтересовался Эш, когда она вернулась с двумя бокалами красного.

– Нет. И, помнится, меня это удивляло. Ко всем, за кем я наблюдала, рано или поздно кто-нибудь приходил – гости, друзья, доставщики. А к ним – нет. Они часто отсутствовали, почти каждый вечер. И днем в основном тоже, но обычно порознь. Я предполагала, что они ходили на работу. С другой стороны, возможно, к ним кто-то приходил, когда я не смотрела. Может показаться, что я пялюсь в чужие окна круглые сутки, но это не так. Бывает, смотрю утром, потом вечером. И, если сон не идет, поздно ночью.

– Эта квартира – идеальное место для вечеринок. Оливер их обожал, любил большие компании и непременно устроил бы тут большую тусовку. Почему же они этого не делали?

– Летом многие уезжают из города, поэтому у меня обычно нет отбоя от клиентов.

– Тогда почему они не уезжали?

– Разве он не работал?

– Он работал на дядю со стороны матери – тот занимается покупкой и продажей антиквариата. Еще доил трастовый фонд, иногда это сходило ему с рук. Думаю, на дядю Винни он работал почти год, и все шло неплохо. По крайней мере, в семье прошел слух, мол, Оливер наконец-то нашел себя. И вот... Нужно будет поговорить с Винни.

– Это тяжело. Особенно в такой большой семье. Нужно всем сказать, со всеми переговорить. Но в этом есть и свои радости. Мне всегда хотелось брата или сестру.

Она замолчала, потому что он снова задумчиво смотрел на закрытое ставнями окно.

– Вы поговорили с отцом?

– Да. – Эш понуро сел и уставился на бокал. – Они на несколько недель уехали в Шотландию. Вернутся в Коннектикут к похоронам.

– Вы ими занимаетесь?

– Выходит, что да. Его мать сейчас в Лондоне. Для нее это стало огромным ударом. Иначе и быть не может – потерять единственного сына... Она любит дочерей, но Оливер был для нее всем.

– С ней есть кто-нибудь?

– Порша живет в Лондоне, Олимпия снова вышла замуж. Рик? Нет. Это ее первый муж, до отца. – Он потер переносицу. – Найджел. По-моему, порядочный человек. Он с ней, но

она настолько убита, что все хлопоты по организации прощания легли на меня – скорее всего, оно пройдет в компаунде.

– У вас есть компаунд?

– У отца. Пресса уже ведет себя безобразно, так что пусть до поры до времени держатся подальше.

«А каково ему, в эпицентре», – подумала Лайла.

– Журналиги донимают?

Он отпил вина и, сделав над собой усилие, принял расслабленный вид.

– Оливер – мой единокровный брат. Сводных и единокровных братьев у меня несколько. Все не так плохо, тем более что я стараюсь особенно не светиться.

– И как вам это удавалось, когда вы встречались с прихой-балериной? – Она слегка улыбнулась, надеясь чуточку отвлечь его от тяжелых мыслей. – Гугл и Джули.

– Пресса преимущественно интересовалась ею.

– Вы так считаете? – Она откинулась на спинку стула. – Успешный художник из очень состоятельной семьи с физиономией благородного разбойника...

– Благородного разбойника?

Она пожала плечами, довольная тем, что развеселила его.

– Мне так показалось. Думаю, о вас там было не меньше, и надеюсь, что пресса оставит вас в покое. У вас есть кому помочь?

– Помочь мне с чем?

– С организацией похорон. В такой большой, раскиданной семье дел невпроворот. Это без учета всех обстоятельств и того факта, что обоих родителей нет в стране. Знаю, я человек посторонний, но готова помочь, если нужно. Могу сидеть на телефоне, увязывать и согласовывать.

Он заглянул в ее большие темные глаза – в них плескалось сострадание.

– Чем вызвано такое предложение?

– Простите. Я действительно лезу не в свое дело.

– Я совсем не это имел в виду. Вы очень добры.

– Я привыкла ставить себя на место других – возможно, потому, что смотрю в чужие окна или пишу. А может, я занимаюсь этим из-за этой привычки. Как бы то ни было, но, окажись я на вашем месте, мне бы с головой хватило. Поэтому если что-то нужно, просто дайте знать.

Эш не нашелся что сказать, даже не успел придумать, и тут у него зазвонил телефон.

– Простите. – Он приподнялся и достал телефон из заднего кармана. – Это полиция. Нет, останьтесь, прошу вас, – сказал он, когда Лайла встала. – Детектив Файн. Нет, вообще-то я не дома, но могу к вам подъехать или... секундочку. У них что-то есть, – обратился он к Лайле. – Копы хотят поговорить со мной еще раз. Я могу отправиться в участок или позвать их сюда. Они сейчас возле моего дома.

«Ты же предлагала помощь, – напомнила себе Лайла. – Вот тебе возможность подтвердить искренность своих наме-

рений».

– Пусть подъезжают сюда. Все в порядке.

Он снова заговорил в телефон, не сводя с нее взгляда.

– Я у Лайлы Эмерсон по известному вам адресу. Да, я все объясню при встрече. – Он сунул телефон в карман. – Им не понравилось, что я здесь и общаюсь с вами. Это было слышно по голосу.

Лайла сделала глоток вина и задумалась:

– Они решат, что мы давно знакомы и каким-то образом все обстряпали – вы убили брата, а я вас покрываю. Потом до них дойдет, что это полная чушь.

– Вот как?

– В этом случае вы бы не стали приглашать их сюда, ко мне, чтобы не навести на след. Более того, я позвонила в службу спасения, как только женщина упала. И это означает «покрывать»? Зачем вообще звонить? Не проще ли, чтобы это сделал кто-то другой? Я могла бы сказать, что это ваш брат вытолкнул ее на моих глазах. Просто и ясно. Так что они пораскинут мозгами, а потом зададут резонный вопрос, с чего это мы вдруг попиваем вино на террасе Кильдербрандов. И на него есть резонный ответ.

– В логике вам не откажешь.

– Когда пишешь, нужно во всем искать смысл.

«Эмпатия, – подумал он, – помноженная на логику и сдобренная богатым воображением».

– И какой же смысл в старшекласниках-оборотнях?

– В воображаемом мире важна не правда, а правдоподобие. В моем мире оборотни еще как имеют смысл. Что не объясняет, почему я так нервничаю. Слишком много полиции. – Лайла встала и схватила лейку, хотя уже поливала растения. – Я в жизни не имела дела с полицией, а теперь началось. Я говорю с ними, вы говорите с ними, я говорю с вами, что по сути является перепостом. Джули говорит с ними...

– Потому что продала картину?

– Что? Нет. Вчера вечером к ней влезли в квартиру. Вероятно, подростки, потому что украли пару «Маноло», флакон духов и помаду. Но все равно это взлом и вызов полиции. А теперь все по новой. Похоже, я залила растения.

– Сейчас жарко. Им не повредит. – Тем не менее он взял у нее лейку и поставил на место. – Я могу встретить их внизу.

– Я не к этому. Я и сама хочу пообщаться с ними, потому что вы снова убедили меня в том, что это не ваш брат вытолкнул ее. Будете кофе? У меня есть сырные крекеры, хотите? Никогда не знаю, что нужно делать. Эх, надо было приготовить холодный чай.

– У вас снова мысли разбегаются, – заметил он. – Думаю, вам следует расслабиться. – Он взял бокал, который она оставила, и подал ей. – А теперь пойдете в квартиру и поговорим с копами.

– Правильно. Я рада, что вы здесь. Хотя, не будь вас здесь, они бы не пришли. Но я все равно рада. А вот и они, – сказала Лайла, когда раздался звонок.

«Перестань думать об этом», – приказала она себе и направилась к двери.

– Детективы. – Она отступила, пропуская их в квартиру.

– Мы не знали, что вы знакомы, – начала Файн.

– А мы и не были знакомы... прежде.

– Вчера в участке я краем уха слышал ваш разговор и понял, что Лайла и есть тот самый свидетель. – Эш сел в гостиной, ожидая, когда другие последуют его примеру. – На выходе я догнал ее и попросил уделить мне время.

Файн посмотрела на Лайлу долгим задумчивым взглядом.

– И вы пригласили его прийти сюда?

– Нет. Мы поговорили в кофейне напротив участка. Эш хотел своими глазами увидеть место, где я находилась в ту ночь. Я не сочла это предосудительным, тем более что Джули его знает.

– Джули? – вскинул брови Уотерстоун.

– Моя подруга, Джули Брайант. Она управляет художественной галереей «Chelsea Arts», где выставляется Эш. Я говорила вам о ней, – вспомнила она. – Я пользуюсь ее адресом.

– Мир тесен.

– Похоже на то.

– Достаточно тесен, – вмешалась Файн. – В квартире жертвы обнаружилась ваша картина, мистер Арчер, приобретенная через упомянутую художественную галерею в Челси.

– Да, я слышал. Но мы не были знакомы. Как правило,

я не знаком с теми, кто покупает мои работы. Я не лезу в расследование. Оливер – мой брат. Мне нужны ответы. Мне нужно знать, что произошло. Скажите, что на нем было надето, когда вы его нашли? – наседали Эш.

– Мистер Арчер, у нас есть вопросы.

– Вы сказали им, что видели? – обратился Эш к Лайле.

– Да, конечно. Вы про кулак и темный рукав? Да. – Она помолчала. – Оливер ведь был не в темной рубашке, нет?

– Вы видели какое-то движение в тускло освещенной комнате и через бинокль, – напомнил ей Уотерстоун.

– Все верно. Но в это мгновение я видела темный рукав, и, если Оливер был не в темной рубашке, значит, не он ее толкнул. Я должна была видеть его лицо. Эш говорит, он был метр восемьдесят пять. При таком росте я должна была хотя бы частично увидеть его лицо над ее головой, когда он прижал ее к стеклу, а я не видела.

– Из ваших собственных показаний следует, – терпеливо начала Файн, – что все произошло очень быстро, и ваше внимание было сосредоточено преимущественно на ней.

– Все так, но я должна была заметить его лицо. И если бы ее толкнул Оливер Арчер, я бы не увидела темный рукав.

– И в то же время больше в квартире вы никого не видели.

– Нет.

Файн повернулась к Эшу.

– У вашего брата были неприятности? Может быть, ему угрожали?

– Насколько мне известно, нет. Неприятности обходили его стороной.

– И вы не были знакомы с Сейдж Кендалл, с которой он жил и которая приобрела вашу картину за пятизначную сумму? Почти шестизначную.

– Так и знала, что она мне не по карману, – пробормотала Лайла.

– Мы не встречались, и, как я уже говорил, брат рассказал мне о ней недавно. Он не выталкивал ее. И себя не убивал. Я это знаю точно, но почему вы так думаете?

– У вас были проблемы с братом, – заметил Уотерстоун. – С вашим единокровным братом.

– Он был редкой занозой в заднице.

– Вы человек вспыльчивый, как-то избили пьяного.

– Не стану отрицать. Но Оливеру я в жизни не наподдал – это было бы все равно что ударить щенка. И я никогда не поднимал руку на женщину. Проверяйте, копайте, переверните все вверх дном, только ответьте мне на один вопрос: почему вы ведетесь на то, что было явно подстроено?

– Я могу выйти в другую комнату или на террасу, чтобы вам не мешать.

Файн посмотрела на Лайлу, затем перевела взгляд на Эша.

– А толку-то? Вы ведь тотчас все ей расскажете.

– До сих пор она все делала правильно. И проявила искреннее участие к совершенно постороннему человеку, а могла бы сказать, чтобы ее оставили в покое, она ведь и так

сделала достаточно. Непременно все ей расскажу. И никуда она отсюда не пойдет.

Лайла только хлопала глазами. Она не могла припомнить, когда в последний раз за нее так рьяно заступались.

– В крови вашего брата обнаружили алкоголь и барбитураты, – сказала Файн.

– Я уже говорил, что он никогда не мешал таблетки с алкоголем.

– Того и другого было столько, что, по словам криминалиста, без своевременной помощи летальный исход от передозировки был гарантирован. Он считает, что в момент смерти ваш брат находился без сознания.

На лице Эша застыло мрачное выражение. Лайла заметила это, потому что наблюдала за ним.

– Оливера убили.

– Теперь мы расследуем двойное убийство.

– Мне так жаль. – Поддавшись порыву, Лайла перегнулась через стол и положила ладонь поверх его руки. – Вы с самого начала были в этом убеждены, и... Мои соболезнования, Эштон.

– Оказался не в то время не в том месте? – медленно произнес он. – Так, что ли? Его вырубил, а ее били, запугивали и вытолкнули из окна. Потом застрелили его, как будто бы он покончил с собой в порыве раскаяния или от отчаяния. Но били ее, значит, все дело было в ней.

– Вы утверждаете, что не знали ее, так что давайте пока

ограничимся вашим братом. У него были долги?

– Долги он всегда возвращал. Доил трастовый фонд, родителей или меня, но всегда все возвращал.

– Где доставал наркотики?

– Понятия не имею.

– В прошлом месяце он ездил в Италию. На несколько дней остановился в Лондоне, потом в Париже и вернулся в Нью-Йорк. Вам известна цель этой поездки?

– Нет. Может быть, он ездил по работе? В Лондоне живет его мать. Он бы не упустил возможности увидеться с ней. А в Париже живет Жизель, она нам родная по отцу.

– У вас есть их контакты?

– Да. Я вам отправлю. Значит, он был без сознания?

На мгновение Файн смягчилась:

– Да. Криминалист уверен, что в момент выстрела Оливер был без сознания. Еще хотим спросить вот о чем...

Полицейские задавали вопросы, Эш старательно отвечал, Лайла молча слушала. Потом она проводила их до дверей, надеясь, что они ушли с концами, и вернулась в гостиную.

– Хотите еще вина или воды? Может быть, кофе?

– Нет, спасибо. Я... мне нужно идти. Нужно сделать несколько звонков. И... спасибо. – Он поднялся. – Простите, что все это... свалилось на вас. Еще раз спасибо.

Она помотала головой и, снова собравшись с духом, приблизилась к нему и обняла. Она почувствовала, как его руки слегка коснулись ее спины, и отстранилась.

– Если потребуется помощь, звоните. Я серьезно.

– Да, я знаю.

Он сжал ее руку, потом отпустил и пошел к двери.

Она стояла, печалась и сочувствуя, уверенная в том, что больше они не увидятся.

Глава 5

Эш стоял перед многоквартирным домом, сунув руки в карманы. До этого момента он не сознавал, насколько ему не хочется заходить внутрь. Судя по всему, какая-то его часть все-таки была в курсе и потому позвала на помощь друга.

Люк Толбот стоял рядом, тоже сунув руки в карманы.

– Мог бы дождаться, пока его мать приедет.

– Не хочу, чтобы она разбиралась с этим. На нее и так страшно смотреть. Давай покончим со всем поскорее. Копы ждут.

– А вот этого врагу не пожелаешь.

Эш объяснил швейцару цель прихода и предъявил удостоверение личности.

– Мои соболезнования, сэр, – сказал тот.

– Спасибо.

Он уже устал это слышать. Последние два дня он только и делал, что звонил всем подряд и выслушивал соболезнования, сформулированные на все лады.

– А после давай по пиву, – предложил Люк, когда они поднимались на четырнадцатый этаж.

– Заметано. Знаю, что Олимпия собиралась заняться его вещами. Я подумал облегчить ей задачу. Она вряд ли заметит разницу, но все же ей будет полегче.

– Пусть сама решает. Ты и так достаточно на себя взва-

лил. А вдруг отправишь на выброс свитерок, который она презентовала ему на Рождество?

– Ну да, ты прав.

– Именно поэтому я здесь.

Эш первым вышел из лифта. За ним последовал Люк. Он был широкоплечий, с сильными руками и крупными ладонями, ростом под два метра, с густыми, частично выгоревшими на солнце, каштановыми волосами, которые падали на ворот простой белой футболки. Он зацепил дужку темных очков за шлевку джинсов и быстрым взглядом окинул коридор. Глаза у него были ярко-голубые.

– Тихо, – заметил он.

– Ага. Тут наверняка действует шумовой регламент. У них тут на все случаи есть регламент.

– Живут по правилам. А не хочешь жить по правилам, покупай все здание, только не каждому это по карману.

– Дом небольшой.

Перед дверью, заклеенной сигнальной лентой, впрочем, уже надорванной, Эш остановился и, мысленно чертыхнувшись, нажал на звонок. Увидев в дверях детектива Уотерстоуна, он опешил.

– Я думал, вы отправите сюда сержанта.

– Да перепроверяем тут кое-что.

– Люк Толбот.

Он протянул руку.

– О'кей. А вы не похожи на адвоката, – заметил Уотерсто-

ун.

– А я и не адвокат.

– Люк поможет мне упаковывать вещи. Не знаю, как быть с теми, что не Оливера...

Он осекся, заметив на светло-сером диване безобразное пятно засохшей крови. Другой ужасный след виднелся на темно-серой стене позади дивана.

– Бог ты мой, а закрыть это было никак? – требовательно поинтересовался Люк.

– Простите. Нет. Возможно, вы захотите поговорить с родственниками Кендалл и вызвать клининговую службу. Я могу подсказать компании, которые специализируются на подобных услугах.

Из соседнего помещения появилась Файн.

– Мистер Арчер. Как вы оперативно. – Она с прищуром посмотрела на Люка, потом ткнула в него пальцем. – «Пекарская дюжина» на 16-й Западной.

– Верно. Это моя пекарня.

– Там-то я вас и видела. Из-за вас мне приходится еженедельно лишних пять часов потеть в тренажерном зале.

– Рад слышать.

– А все ваши брауни. Прощай, фигура – иначе не скажешь. Ваш приятель? – обратилась она к Эшу.

– Да. Вот пришел мне помочь. Мать Оливера дала список фамильных вещей. Не знаю, сохранились ли они и где вообще.

– Позвольте взглянуть. Я проверю.

– Он в телефоне.

Эш достал телефон и вывел список.

– Запонки и карманные часы я видела. Они в спальне. Антикварный серебряный портсигар – нет, это – нет, и каминных часов тоже не было. Здесь только запонки и часы. Вряд ли мы проглядели остальное.

– Возможно, остальное он продал.

– Узнайте у его дяди-антиквара – он у него работал.

– Точно.

Эш достал телефон, снова посмотрел по сторонам и увидел свою картину. Она висела на стене напротив испорченного дивана.

– Славная, – заметила Файн.

– И понятная. – Уотерстоун пожал плечами в ответ на недоуменный взгляд Эша. – А то обычно не разберешь что к чему.

Натурщицу звали Леона. Она была нежная, с округлыми формами и тягучим, мечтательным взглядом. Он представил ее на лугу – ветер играет волосами, раздувает юбку, смычок занесен над скрипкой.

И она с противоположной стены наблюдала за тем, как умирал его брат.

Разве в этом был смысл?

– Мне бы хотелось поскорее закончить с этим. Мне сказали, что тело еще нельзя забрать.

– Думаю, теперь уже скоро. Я сама узнаю и сообщу вам.

– Хорошо. Я заберу его одежду и вещи из списка. Его мать просила об этом. Насчет остального я не знаю.

– Если что-то покажется знакомым, дайте знать.

– У него должны были остаться документы, папки, компьютер.

– У него был ноутбук. Им пока занимаются. Есть коробка с бумагами. В ней страховые документы, бумаги трастового фонда, деловая корреспонденция. Все проверено, вы можете ее забрать. Она в спальне. Еще есть фотографии. Вы, кстати, не в курсе, была ли у него банковская ячейка?

– Не могу сказать.

– В комод лежало шесть тысяч четыреста пятьдесят долларов наличными. Можете их забрать. Когда закончите, вам нужно будет расписаться за них. Еще есть опись всего изъятого для опознания и экспертизы. Вам нужно будет уточнить, когда все это можно получить.

В ответ он покачал головой и прошел туда, откуда появилась она, – в спальню.

Стены насыщенного фиолетового цвета контрастировали с белоснежной отделкой и придавали помещению элегантный, даже королевский вид, а лаковое дерево массивной кровати с балдахином усиливало это впечатление.

Копы, разумеется, сняли с постели все до матраса. Очевидно, для экспертизы. Расписной сундук в изножье был открыт, внутри все было вверх дном. На всех поверхностях ле-

жал тонкий слой пыли.

В подборе картин чувствовался вкус. Вкус женщины. Лес, окутанный туманной дымкой. Волнистые холмы под звездным небом. Они гармонировали с благородным духом странства – и подсказывали, каким человеком была обреченная возлюбленная брата.

Светский глянец скрывал романтическую душу.

– Вяпался братец серьезно и бесповоротно, – заметил Эш. – Здесь чувствуется шик, стиль и порода. Он всегда к этому стремился и получил, что хотел.

Люк сложил вещи в одну из коробок, которые они принесли с собой.

– Ты сказал, у него был счастливый голос, когда вы разговаривали в последний раз. Счастливый и взволнованный.

– Да, именно такой. Возбужденный. – Эш потер лицо руками. – Поэтому я отложил встречу. Уловил в его голосе намек на аферу, выгодное дельце или грандиозную идею. Просто не хотел связываться с этим и с ним тоже.

Люк обернулся. Он неплохо знал друга и подпустил в голос иронию:

– Если снова хочешь заняться самобичеванием, дай я хоть пиджак подержу.

– Нет, проехали.

Тем не менее он подошел к окну, сразу нашел окна Лайлы и представил, как она стояла в ту ночь, развлекая себя подглядыванием за чужой жизнью.

Подойди она к окну на десять минут раньше или позже, ничего бы не увидела.

И, как знать, пересеклись бы тогда их жизненные пути?

Поймав себя на размышлениях о том, чем она сейчас могла быть занята, он отвернулся от окна, подошел к комоду, открыл ящик и уставился на сваленные кучей носки.

Копы, ясное дело. У Оливера носки лежали бы аккуратными рядами – он никогда их не скручивал. Беспорядок отозвался в душе новой печалью, как тонкий слой пыли.

– Как-то я пошел с ним, уже не помню почему – так вот он целых двадцать минут покупал гребаные носки, в тон галстуку. Кто так заморачивается?

– Уж точно не мы.

– А теперь какой-то бездомный будет щеголять в кашемировых носках.

С этими словами Эш вынул ящик и вывалил его содержимое в коробку.

К исходу второго часа у него набралось сорок два костюма, три кожаные куртки, двадцать восемь пар обуви, несметное количество рубашек и галстуков, а еще коробка с дизайнерской спортивной одеждой, лыжное снаряжение, набор для гольфа, часы «Ролекс» и «Картье», помимо тех, что были на Оливере.

– А ты говорил, что много коробок не понадобится. – Люк разглядывал кучу на полу. – Нужны еще две как минимум.

– Остальное подождет или хрен с ним вообще. Из того,

что просила его мать, кое-что найдено.

– Тогда ладно. Но даже в этом случае стоит заказать пару машин. – Люк снова окинул коробки хмурым взглядом. – Или грузовик.

– Я вызову транспортную службу, они перевезут все ко мне. – Он достал телефон. – А мы идем пить пиво.

– Так еще лучше.

* * *

Выйдя из здания, Эш постарался оставить мрачные мысли за порогом, а оживленная атмосфера бара окончательно их развеяла. Темное дерево, запах дрожжей, звон бокалов, шум голосов – это поможет вытеснить из памяти жуткую тишину пустой квартиры.

Подняв бокал, Эш разглядывал на свет янтарные переливы содержимого.

– Кто пьет крафтовое пиво под стремным названием «Дикий вепрь Бесси»?

– Ты, надо думать.

– Исключительно из любознательности. – Он сделал глоток. – Знаешь, неплохо. Тебе следует подавать у себя пиво.

– У меня пекарня.

– И что с того?

Люк со смешком попробовал свой «Забористый хмель».

– И переименоваться в «Бухло и Бриоши».

– От посетителей не будет отбоя. И спасибо за сегодня, Люк. Знаю, тебе нужно глазурировать капкейки.

– Денек отдохнуть от плиты не помешает. Я подумываю открыть второе заведение.

– Ты мазохист.

– Возможно. Только последние полтора года мы тут всем надрали задницу, так что я присматриваю еще одно помещение, главным образом в Сохо.

– Если нужна финансовая помощь...

– Не в этот раз. Но если бы ты не помог поначалу, я бы не думал сейчас о расширении. Так что, если я запущу второе заведение и по ходу дела надорвусь, моя смерть будет на твоей совести.

– На поминках мы подадим твой фирменный вишневый пирог. – На память сразу пришел Оливер, и Эш отхлебнул пива. – Его мать хочет волынщиков.

– Вот блин.

– Не знаю, что ей взбрело, но она уперлась. Я уступил, иначе она, чем черт не шутит, пожелает оружейный салют или погребальный костер. С нее станется, потому что она совсем не в себе.

– Ты все порешаешь.

Это уже практически стало семейным девизом, подумалось ему. «Эш порешает».

– Пока не отдадут тело, все в подвешенном состоянии. Но даже когда похороны пройдут, это не кончится. Все закон-

чится, только когда мы выясним, кто его убил и почему.

– Копы, вероятно, напали на след. Только они вряд ли скажут.

– Не думаю. Уотерстоун, по крайней мере, в глубине души считает, что это я. Его смущает сам факт нашего знакомства с Лайлой.

– Знай он тебя лучше, понял бы, что тебе нужны ответы – потому что все вокруг донимают тебя вопросами. У меня, кстати, он тоже есть. Как она из себя, эта любительница подглядывать в чужие окна?

– Она называет это иначе – человеческим интересом. И знаешь, в ее изложении это звучит убедительно.

– Представляю.

– Ей нравится наблюдать за людьми и общаться с ними. Это странно, потому что она – писатель, а значит, большую часть времени проводит в одиночестве. Но это монтируется с хаусситтингом. Она проводит время в чужом пространстве, заботится о нем. Она участливая.

– И в чем именно это проявляется?

– Она заботится о жилье, имуществе, питомцах. Она и ко мне проявила участие, хотя совсем не знала. Она... открытая. А открытым людям порой прилетает в жизни.

– Тебя к ней тянет, – заметил Люк. – Она красотка, да?

– Вовсе нет. Она интересная и более чем приличная женщина. Я хочу ее написать.

– Ну, точно тянет.

– Думаешь, меня тянет к каждой, которую пишу? Тогда бы я не вылезал из отношений.

– Тебя просто обязано к ним тянуть, иначе ты не стал бы их рисовать. И она красотка, да?

– Недурна. Хорошее лицо, чувственный рот, волосы цвета темного шоколада мокко, который ты подаешь в пекарне. А глаза – да. Цыганские, влекущие, что так контрастирует с ее открытостью и здравым смыслом.

– Как ты ее представляешь? – поинтересовался Люк, который был в курсе творческих методов Эша.

– Красное платье, пышная юбка, вполоборота, на фоне цыганского табора, в лунном свете, сочащемся сквозь кроны деревьев.

Эш неторопливо достал из кармана огрызок карандаша, который всегда носил с собой, и быстро набросал на салфетке лицо Лайлы.

– Как-то так.

– Красотка, хотя сразу не скажешь. Попросишь ее позировать?

– По-моему, не стоит. – В ответ на недоуменный взгляд Люка он пожал плечами. – Это не аргумент, когда речь идет о работе, просто ситуация... неловкая. Это она так выражается – неловкая. По мне, так это просто чертов кошмар.

– Как ни выразишься, смысл не меняется.

Эш усмехнулся:

– Слова, слова, слова. Думаю, она по уши сыта и мной,

и копами. И с радостью переедет на новое место, лишь бы забыть о том, что видела в окне. Да, кстати, вечером следующего дня кто-то залез в квартиру ее подруги. Это она так считает.

– Когда в квартиру залезают, видно сразу.

– И мне так думается. Вообще-то с ее подругой я знаком – это ко всему до кучи. Она управляет одной из галерей, с которыми я работаю. По словам Лайлы, из квартиры украли косметику и туфли.

– Да ладно. – Люк фыркнул и отхлебнул пива. – Туфли завалились в глубь шкафа, а косметика – в сумочке, о которой она забыла. Дело закрыто.

– Не знай я эту даму, сам бы так решил. У нее охрененная выдержка. Как бы там ни было, это опять копы, нервотрепка, опять... – Эш, прежде сидевший в расслабленной позе, резко выпрямился на стуле. – Твою ж мать!

– Что?

– Лайла везде указывает тот адрес. Возможно, к подруге действительно влезли, но не с целью грабежа. Искали Лайлу. Если я выяснил, что она – свидетельница, то и другие могли.

– Не высматривай неприятности там, где их нет.

– Будь так, я бы задумался об этом раньше. Все это время я нахожусь в поисках выхода. А если оглянуться назад? Тот, кто убил Оливера и его женщину, попытался обставить это как убийство-самоубийство. Лайла своими глазами видела падение, все, что ему предшествовало, и позвонила в поли-

цию. И на следующий день кто-то взлезает в квартиру, адрес которой она везде указывает. Скажешь, совпадение?

На лице Люка отразилось беспокойство.

– Ну, если взглянуть с этой стороны... И все же слегка притянута. На кой черт убийце косметика и туфли?

– А может, это женщина. Или трансвестит. Или парень, желавший произвести впечатление на свою девушку. Суть в том, что все одно к одному. Нужно проверить, как она, – заявил он. – И узнать, все ли в порядке с Джули.

– С Джули? Я думал, ее Лайла зовут.

– Джули – ее подруга. И моя хорошая знакомая.

Люк медленно поставил пивной бокал на стол.

– Джули. Художественная галерея. Раз ситуация полный треш, опиши-ка мне эту подругу.

– Надеешься на свидание? Она – джекпот, но вряд ли в твоём вкусе.

Эш перевернул салфетку, на секунду задумался, а потом набросал лицо Джули.

Люк внимательно посмотрел на рисунок – и опешил.

– Высокая. Фигуристая. Глаза васильково-синие. Рыжеволосая.

– Так ты с ней знаком?

– Был. – Люк сделал большой глоток пива. – Я был женат на ней. Всего ничего. В другой жизни.

– Гонишь! – Эш знал, что в юности друг поспешно женился, потом стремительно развелся – на ту пору ему едва ис-

полнился двадцать один год. – Так это Джули Брайант тебя кинула?

– Она самая. Ты никогда не упоминал о ней.

– Она управляет галереей. Мы хорошо общаемся по профессиональным вопросам, но не более. Свиданий у нас не было, если ты об этом. И вообще, разве знойные дамочки с художественным уклоном – твой формат? Обычно ты предпочитаешь резвущек-поскакушек.

– Потому что рана еще свежа. – Люк указал пальцем на сердце. – А все эта сукина дочь, Джули Брайант. Вот это я называю неловкой ситуацией. Мне нужно еще пива.

– Потом. Сейчас нужно поговорить с Лайлой и расспросить об ограблении. Как мне это раньше в голову не пришло. Ты идешь со мной.

– Это еще зачем?

– А вдруг на убийце будут туфли твоей бывшей жены?

– Вот именно, что бывшей, уже лет десять прошло.

– Ты сам знаешь, что тебе не все равно. – Эш бросил на столик несколько купюр, потом перекинул салфетку Люку. – Пиво и набросок тебе на халяву. Погнали.

* * *

Лайла раздумывала насчет душа. Утром она сразу засе- ла за книгу, потом прервалась, чтобы развлечь Томаса ком- плексом упражнений из многочисленных программ видео-

тренировок бесподобной Мейси, поэтому душ бы не помещал.

Кроме того, они с Джули так и не решили, как быть с ужином – заказать доставку или пойти куда-нибудь. При любом раскладе, поскольку было почти половина седьмого и Джули должна была прийти с минуты на минуту, следовало привести себя в порядок.

– Книжный я человек, – сказала она, обращаясь к Томасу. – А резвая блондинка из видеокурса – просто садистка.

Может, по-быстренькому принять горячую ванну? Если...

– Ванна отменяется, – пробормотала она, услышав звонок в дверь. – Ничего, подождет, пока я сползаю в душ.

Лайла подошла к двери и распахнула ее, не подумав посмотреть в «глазок».

– Ты рано. Я еще не... ой.

При виде Эша ее мысли понеслись с лавиноподобной скоростью. Голова не мыта три дня, без косметики, в старых спортивных штанах и топе, которым давно место в мусорном контейнере. А еще от нее разит пилатесом и кукурузными чипсами, которыми она вознаградила себя за пилатес.

Она снова ойкнула, а он улыбнулся:

– Мне следовало позвонить. Просто мы были в двух шагах, и я хотел с вами кое-что обсудить. Это Люк.

Ну, разумеется, он был не один. Как это она сразу не разглядела широкоплечего мужчину приятной наружности.

– Ой, – снова вырвалось у нее, – я тут работала, потом решила ознакомиться с курсом видеотренировок, и так себя укатала... – Она посторонилась, пропуская их в квартиру.

Какая разница, как она выглядит. Не на свидании ведь, в самом деле. Зато он выглядит чуточку бодрее, чем в их последнюю встречу, и это важно.

– Приятно познакомиться. И с тобой тоже. – Люк наклонился и почесал за ухом Томаса, который деловито обнюхивал низ его брюк.

– Вы служите в полиции?

– Нет. Я пекарь-кондитер.

– Профессиональный кондитер?

– Да. Моя «Пекарская дюжина» находится в нескольких кварталах отсюда.

– Мини-капкейки!

В ее голосе слышался такой восторг, что Люк выпрямился.

– А как же, имеются.

– Нет, я хотела сказать, что покупала их. Ваш «Красный бархат» – это что-то с чем-то. На следующий день я купила их снова, а еще дрожжевой хлеб. И карамельный латте. Ваша пекарня – настоящий рай. И давно вы работаете?

– Уже почти три года.

– Мне всегда хотелось знать, каково это – работать в пекарне. Вот вы всегда замечаете, какие там вкусные запахи, как соблазнительно выглядят пирожные и все такое? Вы все-

гда хотели быть кондитером? Ой, простите, что набросилась на вас с вопросами, а сама даже сесть не предложила. Хотите выпить? Есть вино и даже холодный чай, я наконец-то его сделала, – добавила она, быстро улыбнувшись Эшу.

– Спасибо, мы только что из бара, и мне пришла одна мысль.

Люк снова нагнулся погладить ликующего кота, и его солнечные очки упали на пол.

– Треклятая дужка, – он поднял очки, а затем нашарил вылетевший винтик.

– Сейчас все починим. А вы пока присаживайтесь.

– Это она очки починит? – поинтересовался Люк, когда Лайла вышла из комнаты.

– Спроси что полегче.

Лайла вернулась, держа в руках подобие швейцарского армейского ножа, только с термоядерным функционалом.

– Садитесь же, – сказала она, забирая у Люка очки и крохотный винтик. – Ну что, какие новости?

Стоило Эшу сесть, как Томас вспрыгнул ему на колени, точно они были закадычные приятели.

– Мне почти ничего не говорят, но разрешили забрать из квартиры вещи Оливера.

– Это тяжелое испытание, и хорошо, что вы были не один. – Она посмотрела на Люка, а затем, открыв мультитул, выбрала крохотную отвертку.

– Следов взлома не обнаружено, поэтому полиция счита-

ет, что убийцу впустили в квартиру. Вероятно, это был кто-то знакомый. Если даже копам еще что-то известно, они об этом умалчивают.

– Они найдут того, кто это сделал. Не может быть, чтобы я была единственным свидетелем.

«Может, и так, только ты, пожалуй, единственная, кто не захотел остаться в стороне», – подумал Эш.

– Готово, – сказала Лайла, подергав дужку. – Как новенькие.

– Спасибо. Впервые вижу такую штуковину.

Люк кивнул на ее «Лезерман».

– Триста базовых инструментов всегда под рукой. Незаменимый друг и помощник.

Она сложила мультитул и отодвинула в сторону.

– Я – двумя руками за скотч.

– Его функционал еще изучать и изучать. – Лайла улыбнулась Люку и снова посмотрела на Эша. – Хорошо, когда есть друзья.

– Это точно. Кстати, в нашу последнюю встречу вы упомянули, что к Джули залезли воры. Что-нибудь прояснилось?

– Нет. Полиция считает, что она сама потеряла или куда-то засунула пропавшие вещи. Точнее, Джули считает, что они так думают. Она сменила замки, поставила второй засов, так что с ней все в порядке, хотя от потери «Маноло» она вряд ли оправится.

– Вы указали ее адрес.

– Без адреса не обойтись, а поскольку я живу у нее между работами и даже храню кое-какие вещи, это представляется наиболее логичным.

– Этот адрес значится в ваших документах, а в квартиру кто-то проник на следующий день после убийства. Накануне вы звонили в полицию, давали показания, разговаривали со мной.

– Я знаю. Тогда все наваливалось одно за другим, как снежный ком...

И тут он понял, что до нее дошло – на лице отразилось раздумье, но без тени испуга.

– Вы считаете, что все это связано. А мне даже в голову не пришло. Хотя следовало бы. Если кто-то посторонний хотел меня разыскать, это было бы самое логичное. Я никого не видела, никого не смогу опознать, но они-то не в курсе. И вполне могли искать меня в квартире Джули.

– Как-то вы очень спокойны, – заметил Люк. – Вас эта идея не смущает?

– Джули не было дома, она не пострадала. Сейчас они уже, вероятно, знают, что я не представляю угрозы. А жаль. Жаль, что я не могу дать полиции описание убийцы. А раз так, то чего им меня бояться? И какой смысл снова лезть в квартиру Джули или допрашивать ее?

– Тот, кто убил Оливера и его подругу, возможно, не такой рассудительный, как вы, – предположил Эш. – Вам нужно быть осторожнее.

– Здесь меня искать не станут, а через несколько дней я буду в другом месте. Никто не знает, где я.

– Я знаю, – возразил он. – Люк знает, Джули, ваши клиенты, вероятно, их друзья и родственники. Швейцар – вы гуляете, ходите за покупками, едите. Им известно, что той ночью вы были поблизости. Почему бы не поискать вас здесь?

– Квартал большой. – Внутри нее нарастало раздражение – так случалось всегда, когда высказывалось предположение, что она не способна себя защитить. – Любой, кто живет и работает в Нью-Йорке, знает, что такое разумная осторожность.

– Нас вы впустили, даже не спросив, кто за дверью.

– Обычно я так не делаю. Просто я ждала... вот и она, – договорила Лайла, услышав звонок. – Простите.

– Зацепил ее за живое, – тихо сказал Люк.

– И еще не раз зацеплю, лишь бы была осмотрительнее.

– А ты зашел бы с другой стороны, мол, я за вас переживаю. Кому понравится наскок «Не будь идиоткой!»?

– Я не говорил, что она идиотка.

– Это предполагалось. Если ты действительно думаешь...

Тут в мозгу у Люка что-то расконтачило. За десять лет она, конечно, изменилась, но только к лучшему.

– Джули, ты уже знакома с Эштоном.

– Конечно. Мои соболезнования, Эш.

– Я получил ваше письмо. Спасибо.

– А это Люк, друг Эша. Помнишь потрясающие капкейки?

Они из его пекарни.

– Правда? Они были... – На ее лице отразилось смятение, если не сказать ужас. Годы скрутились назад и разом вернулись. – Люк.

– Джули. Какая встреча.

– Но... я не понимаю. Что ты здесь делаешь?

– Живу. В Нью-Йорке, – уточнил он. – Уже восемь лет.

– Так вы знакомы? Они знакомы? – не дождавшись ответа, спросила Лайла у Эша.

– Когда-то они были женаты.

– Женаты? Он – ее... Ситуация уже совсем...

– Неловкая?

Лайла метнула в него взгляд.

– Думаю, теперь самое время выпить вина, – бодро сказала она. – Поможешь мне, Джули?

Взяв подругу за руку, она потащила ее напрямиком на кухню.

– Ты как?

– Не знаю. Это Люк.

«Таким – обессиленным, изумленным и отчасти признавательным – выглядит тот единственный, кому удалось уцелеть при землетрясении», – подумала Лайла.

– Я могу их выпроводить. Только скажи.

– Нет. Дело не в этом. Мы... сколько лет прошло. Просто это так неожиданно – войти и увидеть его. Как я выгляжу?

– По сравнению со мной – потрясающе. Но это был гадкий

вопрос. Скажи, что от меня требуется, и я это сделаю.

– Предложить вино – хорошая мысль. Будем цивилизованными и утонченными.

– Если расклад такой, тогда мне действительно нужно в душ, но начнем с вина. – Она достала бокалы. – Он чертовски симпатичный.

– Ты считаешь? – улыбнулась Джули. – Он всегда таким был.

– Раз ты в порядке, то подадим вино, потом ты будешь их развлекать, а я приведу себя в порядок. Пятнадцати минут мне хватит.

– И ведь уложишься в пятнадцать минут, за что я тебя ненавижу. О'кей. Цивилизованные и утонченные. Как заказывали.

Глава 6

Все оказалось не так плохо. Насчет утонченности Лайла сомневалась – в этом она не была сильна, – но вполне цивилизованно.

По крайней мере, до тех пор пока Эш не озвучил гипотезу о взломе, под которой Джули, к удивлению Лайлы, подписалась обеими руками.

– И как мне самой не пришло в голову! – повернулась она к Лайле. – Теперь-то все сходится.

– Ты и про девчонку-поганку говорила то же самое, – напомнила Лайла.

– Я терялась в догадках. Но какая малолетняя поганка способна проникнуть в квартиру, не оставив следов? Копы проверили замки.

– А убийца, значит, прихватил твои «Маноло» и помаду? Это что получается – у того, кто совершил двойное убийство, разные приоритеты?

– Туфли были классные, помада – обалденно красного цвета, а такие духи днем с огнем не сыщешь. И потом, почему бы убийце не быть вороватым? Тому, кто способен убить двоих, украсть – плевое дело. Лайла, тебе нужно быть осторожнее.

– Я ничего толком не видела, и надушенный убийца с обалденно красными губами и на высоких каблуках уже это,

конечно, выяснил.

– Это не шутки.

– Простите. – Лайла тотчас повернулась к Эшу. – Это ваш брат, и я знаю, что это не шутки. Но волноваться за меня не нужно. Это относится ко всем.

– Если однажды она сделает себе татуху, – заметила Джули, – то именно с этой фразой.

– Потому что это правда. И даже если все остальное тоже правда, в чем я сильно сомневаюсь, то уже через несколько дней я буду жить в шикарных апартаментах в Верхнем Ист-Сайде в компании с карликовым пуделем по кличке Эрл Грей.

– Как вы находите клиентов? – поинтересовался Люк. – Как они узнают о вас?

– Благодаря рекомендациям. И через интернет.

– У вас есть сайт.

– Подозреваю, что даже у Эрл Грея есть сайт. Нет, – продолжила она, уловив направление его мыслей, – отследить мое местоположение так не удастся. В календаре на сайте отмечены дни, когда я занята, но место не указывается. И я никогда не публикую список клиентов.

– Еще есть блог, – напомнила Джули.

– Я не сообщаю адреса, только район. И фамилии клиентов никогда и нигде не указываю. Даже комментарии подписаны инициалами. Если убийца считает, что та зараза в комплексе видела его лицо и может опознать, я бы на его месте

сделала так. Подошла бы на улице и спросила дорогу. Если та в ответ не моргнет глазом, я бы пошла дальше по своим убойным делам. А если завопит: «А, это ты!», я бы пырнула ее в бедренную артерию – и поминай как звали. В любом случае вопрос был бы закрыт.

– Кто хочет ужинать? – поинтересовалась она с твердым намерением сменить тему. – Лично я хочу. Можем заказать доставку.

– Предлагаю пойти в ресторан. Мы угощаем, – тотчас откликнулся Люк. – В паре кварталов есть итальянская кухня. Отличная еда, изумительное джелато.

– «Эхо-Эхо».

– Точно, – он улыбнулся Джули. – Я знаю владельца. Сейчас позвоню и закажу столик. Ну, вы согласны? – обратился он к Лайле.

– Конечно, почему нет?

Это же не свидание, рассудила она. Какое может быть свидание, пусть даже двойное, в такой компании: она, брат покойного, ее лучшая подруга и бывший муж лучшей подруги, который не идет в расчет? Это просто ужин.

И ужин, следует признать, отменный, как она поняла для себя, когда на закуску были поданы брускетты с жареными кальмарами. Разговор шел сам собой, что для нее всегда было важно, – она засыпала Люка вопросами о пекарне.

– Где вы учились печь? Объемы-то ого-го!

– Сначала меня учила бабушка. Потом там-сям.

– А как же юридический колледж? – осведомилась Джули.

– Я его ненавижу.

– А я тебе говорила.

– Ага. Я попробовал. Родители ужасно хотели, чтобы я стал врачом или адвокатом, и, поскольку медицинский колледж по-любому был хуже юридического, я выбрал его. Два года, пока шла эта тягомотина, я подрабатывал в пекарне возле кампуса, чтобы платить за обучение, и там мне нравилось гораздо больше.

– Как родители?

– Хорошо. А твои?

– Тоже. Вспоминаю твоё печенье с шоколадной крошкой по бабушкиному рецепту, а какой потрясающий торт ты испек мне на восемнадцатилетие!

– Твоя мама говорила: «Люк, ты всегда сможешь заработать на жизнь».

– Это правда, – рассмеялась Джули. – Но я и представить не могла, что так будет.

– Я тоже. А все благодаря Эшу. Он умеет придать ускорение – оглянуться не успеешь, а ты уже там, куда он тебя нацелил.

– Я просто спросил: «Почему ты работаешь на чужого дядю, когда мог бы работать на себя?»

– Или что-то в таком духе, – закончил Люк. – А у тебя, значит, художественная галерея. Ты всегда любила искусство, хотела учиться на искусствоведа или вроде того.

– И выучилась. Вернулась в колледж, переехала в Нью-Йорк и пробились в галерейный бизнес. Вышла замуж, познакомилась с Лайлой, развелась и стала управляющей.

– Я тут вообще ни при чем, – принялась отнекиваться Лайла.

– Да ладно.

– Ну не нарочно.

– Мы познакомились на занятиях йогой, – начала Джули. – Я про Лайлу, а не про Максима, моего бывшего. Дурачились, изображая собак мордой вниз и вверх, потом стали чилить в фитобаре. Вот так, мало-помалу...

Лайла вздохнула:

– Я встречалась с одним типом, и мне казалось, у нас довольно серьезно. Мы с Джули по-женски болтали о мужчинах, и я рассказала ей о своем. Он был красивым, успешным, все время в разъездах, но очень внимательным, когда мы были вместе. А Джули поведала мне о своем муже.

– Тоже очень красивом и успешном. С определенного момента он начал задерживаться на работе и перестал быть таким внимательным, как прежде. Наш брак трещал по швам, но мы старались держаться на плаву.

– Сопоставив факты по ходу занятий и посещений фитобара, мы поняли, что мой возлюбленный был женат на Джули. Я спала с ее мужем, но вместо того чтобы утопить меня в моем же смузи, она решила расправиться с ним.

– Мы решили.

– Так точно, – Лайла чокнулась с Джули. – История нашей дружбы написана его кровью. Образно говоря, – быстро добавила она.

– Совсем не обязательно прибегать к насилию, приводя домой мужнину потаскушку...

– Ой.

– ...и представляя ее как свою новую лучшую подругу. Я дала ему двадцать минут на сборы и выставила из квартиры, а мы с Лайлой слопали почти килограмм мороженого.

– Кофейного, с хрустящими шариками от «Бен и Джерри», – улыбнулась Лайла, и в уголке ее рта появилась ямочка. – Оно и сейчас мое любимое. Ты была бесподобна. Мне хотелось провалиться от стыда, но Джули была кремень. «Сейчас мы выведем козлину на чистую воду», – сказала она, что мы и сделали.

– Козлину я послала и осталась с потаскушкой.

– Это я послала козлину, – поправила Лайла, – и осталась с его жалкой безмозглой женой. Кто-то же должен был.

– Я хочу вас написать.

Лайла посмотрела на Эша. Похлопала глазами.

– Что, простите?

– Жду вас у себя в лофте для предварительных набросков. Для начала пары часов хватит. Какой у вас размер?

– Что?

– XS, как у большинства любовниц, – сказала Джули и искоса посмотрела на него. – А что вам представляется, Эш?

– Разнузданная, чувственная цыганка. Широкая огненно-красная юбка, цветастые подъюбки...

– Правда? – Джули в восторге повернулась к Лайле и окинула ее оценивающим взглядом. – Это мысль.

– Стоп. Нет. Спасибо. Я... мне, конечно, лестно, но не мое это. Я не натурщица и не знаю, как позировать.

– А вам и не нужно ничего знать, я сам все знаю. – Он посмотрел на официанта и заказал фирменную пасту. – Приходите послезавтра. Часов в десять.

– Я не... Мне то же самое, – сказала она официанту. – Спасибо. Послушайте, я не...

– Какую оплату предпочитаете – почасовую или фиксированную? Ну, там разберемся. Глазами играть умеете?

– Что?

– Конечно умеет, – вмешалась Джули. – Портрет в полный рост? У нее потрясающие ноги.

– Я заметил.

– Я сказала – хватит.

– Лайла не любит быть в центре внимания. Крепись, Лайла-Лу. Тебя только что выбрал позировать один из самых видных художников современности, чьи фантастические, порой тревожащие, порой причудливые, но всегда чувственные полотна пользуются большим признанием. Она придет. Я сама проконтролирую.

– Лучше смириться, – посоветовал Люк. – В итоге вы все равно встанете там, где ему нужно.

– Я вас напишу в любом случае, – пожал плечами Эш. – Но посыл получится действенное и глубже, если вы будете позировать, Лайла-Лу.

– Лайла-Луиза – второе имя в честь моего отца, подполковника Луи Эмерсона. И вы не сможете меня написать, если я откажусь.

– Это еще почему? – Он дернул плечом. – Ваше лицо, ваша фигура прямо передо мной.

– Она придет, – повторила Джули. – Так, дамам пора припудрить носик. Извините. – Джули поднялась и, предвидя возможные протесты, сдернула Лайлу со стула.

– Силком он меня не заставит, – шипела Лайла, следуя по пятам за Джули. – И ты тоже.

– Вот тут ты заблуждаешься.

– И какая из меня разнузданная, чувственная цыганка?

– И в этом ты тоже заблуждаешься. – Она увлекала Лайлу за собой вниз по узким ступенькам, ведущим в туалет. – Ты смуглая и образ жизни соответствующий.

– Одна интрижка с женатым мужиком, про которого я даже не знала, что он женат, и вот уже у меня разнузданный образ жизни?

– Цыганский, кочевой. – Они очутились в небольшом туалете. – Это уникальный шанс – интереснейший опыт и возможность быть увековеченной.

– Мне как-то стремно. – Лайла решила заодно пописать и вошла в кабинку. – Ненавижу это чувство.

– Он найдет способ тебя расслабить. – Джули вошла во вторую кабинку. – А я пролоббирую возможность поприсутствовать на парочке сеансов. – Ужасно хочется посмотреть, как он работает – потом будет о чем рассказать клиентам.

– Вот сама и позируй. Разнузданная, чувственная цыганка из тебя будет что надо.

– Ему нужна ты. У него свое видение, и он хочет тебя. – Джули принюхалась к мылу с запахом розового грейпфрута и одобрительно кивнула. – К тому же приступ вдохновения, новая тема помогут ему пережить скорбь.

Глядя в самодовольное лицо Джули, отраженное в зеркале, Лайла прищурилась.

– А это запрещенный прием.

– Так и есть. – Джули подкрасила губы блеском. – Но это правда. Не упускай возможность! Не будь трусихой.

– И снова запрещенный прием.

– Я в курсе.

Джули рассмеялась и, хлопнув подругу по плечу, вышла из туалета. На середине лестницы она тихо взвизгнула.

– Что там – мышь? Что?

– Мои туфли!

Джули рванула вверх по лестнице, обогнула стойку хостес, лавируя, прорвалась сквозь компанию, которая только вошла, и наконец выскочила за дверь. Там она повертела головой налево и направо и, преодолев две ступеньки, оказалась на тротуаре.

– Да блин!

– Какого черта, Джули?

– Это были *мои* туфли. Еще длиннющие ноги и татушка на лодыжке. Короткое красное платье. Остальное я не разглядела.

– Джули, у Маноло не одна пара таких туфель.

– Это были мои, понятно? – Она повернулась – разъяренная фурия, воплощение праведного гнева. – Ты видишь убийство, потом ко мне влезают и крадут мои туфли, а сейчас, на моих глазах, женщина в моих туфлях выходит из ресторана, где мы ужинаем, и ресторан этот – в паре кварталов от места убийства!

Лайла нахмурилась и потеряла разом озябшие руки, точно их обдало холодом на вечерней жаре.

– Ты меня пугаешь.

– А вдруг Эш прав? Вдруг тот, кто убил его брата, следит за тобой? Ты должна еще раз пообщаться с полицией.

– Вот теперь ты меня окончательно напугала. Хорошо, я им скажу. Обещаю. Только они решат, что я сошла с ума.

– Просто расскажи. И на ночь подопри дверь стулом.

– Они к тебе влезли, а не ко мне.

– Я тоже подопру дверь стулом.

* * *

Джей села в машину в то самое мгновение, когда Джули

выскочила из дверей ресторана. Тот факт, что братец общается с назойливой девицей, которая наблюдала за квартирой, ей не нравился.

Похоже, она мало что видела, и проблем от нее не будет. Но сам факт настораживал.

Босса эти косяки ой как не обрадуют.

Не вытолкни Иван в окно безмозглую сучку, их бы не было. И если бы болван не отключился после нескольких бокалов. Не так уж много таблеток она кинула в бурбон.

Возможно, он успел накидаться до ее прихода.

Вот непруха. Конечно, никто не застрахован, но в этот раз просто одно за другим.

Может, братец все-таки в теме?

Лофт у него как крепость, но пришла пора туда наведаться. Пара часиков есть, пока они там ужинают в компании с назойливой девицей.

– К братцу, – приказала она Ивану. – Отвезешь меня, потом вернешься и проследишь за братом и остальными. Когда будут уходить, маякни.

– Теряем время. Сучка была не в теме, и они пустые. Если даже что-то было, они уже скинули.

Ну почему ей приходится иметь дело с баранами?

– Тебе платят за то, чтобы выполнял мои приказы. Вот и выполняй.

Один косяк, по крайней мере, она точно исправит.

Лайла не стала возражать, когда Эш настоял на том, чтобы проводить ее домой, потому что Люк без лишних разговоров пошел провожать Джули, и пары разошлись в противоположных направлениях.

– Интересно, что вы знакомы и с Джули и с Люком, учитывая их историю.

– Жизнь полна сюрпризов.

– Это верно. И любопытно, что жар между ними еще не угас.

– Жар?

– Пламя – оно по-прежнему тлеет, и брызжут новые искры. – Она всплеснула руками. – Пых!

– Пламя... скоротечный хреновый брак. Давно прогорело.

– Спорим?

– Спорим?

– Вы как-то невнимательны, все время повторяете за мной. Я предлагаю пари, скажем, на десять баксов, что вспыхнет, а не затухнет.

– Идет. У него уже почти срослось с одной.

– Почти срослось – это про секс, и Джули – не кто-то там.

Они классная пара – красивые, статные, высокие.

– Пойдемте ко мне.

– Что? – Она ощутила ожог – свежие искры – и подумала,

как бы не опалить крылышки. – Так и знала, что вы невнимательны.

– Это всего в нескольких кварталах отсюда. Еще не поздно. Посмотрите студию, расслабитесь. Приставать не стану.

– Ну вот, вечер испорчен. Сарказм, – быстро сказала она, когда его взгляд изменился. – Джули с меня не слезет, пока я не соглашусь, чтобы вы сделали хотя бы несколько набросков. И тогда вы поймете, что заблуждались на мой счет.

– Пойдемте смотреть студию. Вы ведь любите бывать в новых местах – это исправит ваш негативный настрой.

– Как мило. Я действительно люблю бывать в новых местах, и еще не поздно. И раз вы не собираетесь приставать, то мне ничто не угрожает. Почему бы нет?

Он свернул за угол – его дом был в другой стороне.

– Я не говорил, что не собираюсь. Я сказал, что не стану. Как вы познакомились с блудливым козлиной, которого делили с Джули?

Она еще переваривала информацию про то, что он «не собирается».

– Такая формулировка звучит сексуально до неприличия. Мы вместе ехали в такси, шел дождь. Это было романтично, очень по-нью-йоркски. Он был без кольца и сразу дал понять, что не женат и не состоит в отношениях. В итоге мы пропустили по бокальчику, несколько дней спустя поужинали – и понеслось. Нет худа без добра – у меня появилась лучшая подруга, так что и козлина на что-то сгодился.

Она ловко сменила тему – это особое искусство.

– А как вы поняли, что у вас талант?

– Не любите говорить о себе, да?

– Особенно не о чем говорить. Другие люди гораздо интереснее. Может, вы еще в нежном возрасте рисовали пальчиком сказочные провидческие картинки, которые ваша мама потом вставляла в рамочки?

– Моя маменька не настолько сентиментальна. А вот вторая жена отца вставила в рамку карандашный набросок своей собачки, который я сделал в тринадцать лет. Славный был пес. Мы пришли.

Он остановился перед трехэтажным кирпичным зданием с большими окнами. Это был старый склад, переоборудованный под жилье. Лайле нравился стиль лофт.

– Готова поспорить, у вас третий этаж – там много света.

– Ага, третий этаж – мой.

Он отпер большую стальную дверь, вошел и отключил сигнализацию.

Лайла с изумленным видом вертела головой. Она ожидала увидеть небольшой вестибюль, старый грузовой лифт, стены и двери квартир первого этажа.

Вместо этого ее глазам предстало огромное текучее пространство, разреженное арками из старого кирпича – гостиная с паркетными полами из массивной доски, помеченными шрамами, но блестящими, с насыщенными цветами на фоне нейтральных стен, расставленными полукругом креслами

цвета драгоценных камней, с прелестным двусторонним камином, встроенным в опору арки.

Потолок терялся в вышине, открывая пространство второго этажа с изящными медными перилами и балясинами, покрытыми патиной.

– Потрясающе.

Он не останавливал ее, и она забрела на кухню – в длинное помещение, выложенное черно-белой плиткой, со столешницами из полированного бетона и обеденной зоной, вмещавшей черный стол солидных размеров и полдюжины стульев с высокими спинками.

На фоне нейтрального цвета стен выигрышно смотрелись картины, рисунки карандашом и углем, акварели – коллекция, за обладание которой галеристы могли бы удавиться.

– Это ваше. Все ваше.

В другом помещении, которое представляло собой нечто среднее между кабинетом и библиотекой, тоже имелся маленький камин, и было уютнее, несмотря на планировку открытого типа.

– Это все ваше, – повторила она. – И здесь запросто поместится семья из десяти человек.

– Иногда так и бывает.

– Вы... ой! – Она рассмеялась и покачала головой. – Ну да. Ваша большущая семья часто здесь собирается.

– Периодически. От случая к случаю.

– И вы сохранили старый лифт.

Она подошла к широкому лифту с решетками.

– К вашим услугам. Но если хотите, можем воспользоваться лестницей.

– Хочу, потому что умираю от любопытства – мечтаю осмотреть второй этаж. Какие безупречные пространственные решения – в цвете, текстуре, во всем. – Насчет любопытства она не шутила и подошла к угловой лестнице со старыми медными перилами. – Я бываю в разных местах и всегда задаюсь вопросом, чем руководствуются владельцы. Почему это стоит здесь, а не там, почему ту стену убрали или оставили. А здесь все логично. Если вам понадобится присмотреть за жилищем, я всегда на связи.

– Связь уловил.

Она метнула в него взгляд и слегка улыбнулась:

– У вас есть мой номер, а в остальном вас ждут сюрпризы. Сколько спален?

– На этом этаже четыре.

– Четыре на этом этаже. Насколько же вы богаты – нет, не поймите меня неправильно, ваши деньги меня не интересуют. Это опять же из любопытства.

– Теперь мой вечер испорчен.

Она снова рассмеялась и направилась к симпатичной гостевой комнате, где стояла кровать с балдахином и висело большое полотно с целым полем подсолнухов, буквально пропитанных цветом. Оно-то и привлекло ее внимание.

На полпути Лайла замедлила шаг и нахмурилась.

– Постойте-ка, – приняхавшись, сказала она и пошла вслед за запахом.

Она шагала быстро, удаляясь от лестницы, и остановилась, судя по всему, в хозяйской спальне – там на большой металлической кровати лежало смятое темно-синее одеяло.

– Я не планировал визиты, когда...

– Нет. – Она подняла руку и зашла в комнату. – «Будуар».

– У мужчин не бывает будуаров, Лайла-Лу. У них спальни.

– Я про запах. Это духи Джули. Разве не улавливаете?

Он приняхался и не сразу понял, что давно ощущает ее аромат – свежий и игривый. Но помимо него в воздухе витало что-то еще – более глубокие, чувственные нотки.

– Сейчас чувствую.

– Черт, это безумие, но вы были правы. – С бьющимся сердцем она вцепилась в его руку. – Вы были правы насчет взлома квартиры Джули, потому что тот, кто проник туда, был здесь. Возможно, он и сейчас здесь.

– Стойте тут, – приказал Эш, но Лайла вцепилась в него еще крепче, теперь уже двумя руками.

– Ни в коем случае, потому что смельчак, который говорит оставаться на месте, имеет все шансы попасть под нож маньяка, который прячется в шкафу.

Он подошел к шкафу и распахнул его. Она не ослабляла хватки.

– Никакого маньяка.

– Не в этом. Тут шкафов тьма тьмушая.

Не желая препираться, он повел ее за собой и обыскал весь второй этаж.

– Оружие бы не помешало.

– Мой «калаш» в ремонте. Никого нет ни здесь, ни на первом этаже – там вы все осмотрели. И запах сильнее всего в моей спальне.

– Думаете, она напоследок зашла сюда? Или пробывала здесь дольше всего? Я говорю «она», потому что мне слабо верится, что убийца, он же грабитель, он же потенциальный маньяк, душится украденным «Будуаром».

– Возможно. Нужно проверить студию. Слушайте, если вам не по себе, запритесь в ванной.

– Ни за что. «Сияние» читали?

– О господи.

Смирившись, он пошел к лестнице, а она вцепилась в его ремень и двинулась следом, как на буксире.

В иной ситуации большое захламленное красочное пространство заморозило бы ее. Но сейчас Лайла озиралась по сторонам, ожидая нападения. Скользила взглядом по столам, мольбертам, холстам, банкам, бутылкам и тряпкам. На одной стене висела массивная доска с фотографиями, набросками и наспех нацарапанной запиской.

Пахло красками, скипидаром, мелом.

– Тут столько запахов, – сказала она. – Вряд ли я унюхаю духи.

Она посмотрела вверх, на световой зенитный фонарь, по-

том окинула взглядом зону отдыха с длинным кожаным диваном, парой столиков, лампой и сундучком – и расслабилась. Отцепилась от его ремня и сделала несколько шагов в сторону, чтобы лучше рассмотреть помещение.

У стены стояли десятки полотен. Ей хотелось спросить, что побудило его написать их, а после вот так сложить в кучу. Что вообще он с ними делает? Но момент для расспросов казался неподходящим.

И тут она заметила русалку.

– Боже, она прекрасна. И ужасна. Так ужасает подлинная красота. Она не станет их спасать, да? Это не Ариэль, ищущая любви и мечтающая о ножках. Ее единственный избранник – море. Она будет смотреть, как они тонут. И если кто-то доберется до ее скалы, его участь будет еще ужаснее. Но последнее, что он увидит в жизни, – это ее красота.

Лайле хотелось коснуться извилистого радужного хвоста, и она спрятала руку за спину, чтобы удержаться от искушения.

– Как вы ее назовете?

– «Она ждет».

– Идеально. Просто идеально. Интересно, кто ее купит? И разглядит ли ваш посыл или увидит всего лишь красивую русалку на скале над бурным морем?

– Он увидит то, что захочет увидеть.

– Значит, не умеет смотреть. Ну вот, я отвлеклась. Здесь больше никого нет. Она была тут, но уже ушла. – Лайла по-

вернулась и увидела, что Эш наблюдает за ней. – Нужно вызвать полицию.

– И что мы им скажем? Что унюхали запах, который выветрится прежде, чем они приедут? Насколько я могу судить, все на своих местах.

– Джули кое-чего недосчиталась. И от вас она, вероятно, ушла не с пустыми руками. Прихватила мелочовку – сувенирчики, так сказать. Но это неважно, или как?

– Нет. Здесь она искала не вас, а что-то. И это что-то, нужное ей, было у Оливера. Здесь она бы этого не нашла.

– А значит, она продолжит поиски. И это не мне нужно быть осторожной, а вам, Эш.

Глава 7

Возможно, она была права, но Эш все равно проводил ее до квартиры, обошел все помещения и только после этого ушел.

По пути домой он отчасти даже надеялся на то, что что-то произойдет. Ему отчаянно хотелось дать волю рукам – пусть даже речь шла о женщине в дизайнерских туфлях и с татушкой на лодыжке, как уверяла Джули.

Тот, кто убил его брата или был причастен к убийству, проник к нему в дом, обошел его надежную сигнализацию и пробыл там изрядное время.

В полной уверенности, что путь чист.

Отсюда следует, что за ним следят. Женщина точно знала, что путь будет чист. Более того, успела убраться за считанные минуты до их прихода. Уйди она чуть раньше, и запах выветрился бы.

Итак, что мы имеем? Два убийства, два взлома и, безусловно, слежка.

Во что, черт побери, вляпался Оливер?

На сей раз это не карточные долги и не наркотики. Не похоже. Что за дельце всей жизни братец хотел обстрипать, какой куш сорвать?

Как бы там ни было, эта тайна умерла вместе с ним. И женщина, с кем или на кого бы она ни работала, может сколько

угодно следить за ним, обыскивать дом, все равно ничего не найдет, потому что у него ничего нет.

А есть только мертвый брат, убитая горем семья, огромное чувство вины и бешеная ярость.

Войдя в лофт, он сменил код – а вдруг поможет. И для надежности решил снова подключить охранную компанию.

А пока неплохо бы понять, поживилась ли чем-нибудь незваная гостья.

Он постоял немного, ероша волосы. Пространство было большое. Он любил простор, обилие комнат, целесообразность. Любил принимать у себя свою большую семью.

Теперь ему предстояло обыскать весь дом с учетом того, что здесь побывал злоумышленник.

К исходу часа Эш определился с пропажами. Список был короткий и странный.

Соль для ванн, которая особенно нравилась матери, серьги единоутробной сестры (от второго брака матери), забытые с месяц назад, когда они с матерью переночевали у него, ловец солнца из витражных стеклышек, подаренный на Рождество сводной сестричкой (от четвертого брака отца) и гильошированные серебряные запонки от Тиффани в нежно-голубой коробочке.

Наличность, обнаруженную в ящике письменного стола, она проигнорировала. Там было всего несколько сотен, но почему бы не прихватить? Соль для ванн взяла, а деньги оставила.

Потому что деньги – нечто обезличенное? Не столь притягательное?

Хрен его знает.

С чувством беспокойства и напряжения он поднялся в студию. Работать над русалкой не мог – настроение было не то, – но задумался над тем, с какой точностью Лайла выразила его мысли и чувства. Он не ожидал, что она разглядит его замысел и тем более поймет.

Вопреки всем ожиданиям, она восхищала его. Женщина с цыганскими глазами, которая носит в сумочке увесистый мультитул, точно помаду, и умеет им пользоваться. Которая в незаконченном полотне угадывает авторский замысел и способна проявить участие к постороннему человеку.

Которая сочиняет истории о подростках-оборотнях и не имеет своего угла – по собственной воле.

Возможно, она права – он не улавливает связи.

Но обязательно все поймет, когда ее нарисует.

Так, размышляя, он установил мольберт и взялся за холст.

* * *

Лайла стояла перед лофтом, разглядывая его при свете дня. Снаружи он выглядел заурядно – просто старое кирпичное здание, чуть приподнятое над тротуаром. Внутри, как могло показаться, с полдесятка славных квартир, раскупленных молодыми специалистами – любителями даунтауна.

На самом деле все обстояло иначе. Его владелец создал дом, который в точности соответствовал его личности и роду занятий. Он был художником и человеком семейным. И, сочетая в себе обе ипостаси, смог создать пространство, в котором эти ипостаси безупречно совмещались.

Это требовало четкого видения и способности разбираться в себе. Эштон Арчер точно знал, кто он и чего хочет.

И в силу совершенно непонятных причин он хотел написать ее.

Лайла подошла к двери и нажала на кнопку.

Скорее всего, он дома и работает. Ей самой полагалось работать, но она не могла сосредоточиться. Сейчас она, весьма вероятно, нарушит его творческий процесс, лучше бы отправила сообщение...

– Что надо?

Голос в динамике звучал так отрывисто и безапелляционно, что она невольно вздрогнула.

– Простите. Это Лайла. Я просто хотела...

– Я в студии.

– Хорошо, я...

Жужжание, потом щелчок. Она осторожно повернула дверную ручку. Массивная дверь поддалась, и Лайла восприняла это как приглашение войти.

Она нерешительно переступила порог, притворив за собой дверь, – снова послышался щелчок – и направилась к лестнице. Потом передумала и свернула к лифту.

Кто откажется прокатиться на таком, спросила она себя. Войдя в кабину, она закрыла решетку и нажала кнопку с цифрой три. Лифт заскрипел и со стоном пополз наверх. Лайла улыбнулась.

Когда кабина, глухо лязгнув, остановилась на площадке третьего этажа, Лайла сквозь решетку увидела Эша. Он делал наброски на холсте.

Нет, не на холсте. А в большом скетчбуке.

– Мне пришлось выйти. Возникли неотложные дела. Я принесла кофе. И маффин.

– Хорошо. – Он не удостоил ее взглядом. – Это поставьте туда и встаньте там. Прямо там.

– Я была в полиции и хотела рассказать...

– Встаньте там и рассказывайте. Нет, это поставьте.

Он подошел, выхватил у нее из рук пакет и поставил его на стол, заваленный всякой всячиной. Потом потащил ее к стене с ленточным остеклением.

– Повернитесь так, но смотрите на меня.

– Я пришла не для того, чтобы позировать. И потом, вы сами сказали, что завтра.

– Сегодня тоже сойдет. Смотрите на меня.

– И я не соглашалась позировать. На самом деле мне не очень комфортно...

Он шикнул – так же отрывисто, как рывкнул в динамик.

– Помолчите минуту. Нет, не годится...

Лайла облегченно вздохнула. За эти полминуты она по-

чувствовала себя бабочкой на булавке.

– А я говорила, что от меня толка не будет.

– Нет, вы мне подходите. Дело в настроении.

Он отбросил карандаш и прищурился. Ее сердце забилось быстрее, в горле пересохло.

Он взъерошил волосы.

– С чем маффин?

– С яблоками по-французски. Звучит упоительно. По пути из полиции я завернула в пекарню Люка, а потом решила заглянуть к вам и все рассказать.

– Отлично. Валяйте.

Эш запустил руку в пакет и достал два стакана с кофе и большущий маффин.

Когда он впился зубами в маффин, Лайла нахмурилась.

– Вообще-то маффин большой. Я думала, мы съедим его напололам.

Он снова откусил кусок.

– Это вряд ли. И что полиция?

– Я поймала Файн и Уотерстоуна уже на выходе. Но они согласились выслушать вашу теорию насчет взлома и про запах духов.

Он пристально смотрел на нее – тем же взглядом, как когда держал в руке карандаш – и залпомпил кофе.

– И сказали, что учтут, но по их тону было ясно, что они считают это полной дичью?

– Они держались вежливо, и меня это взбесило. А вас это

разве не бесит?

– А я понимаю их логику. Даже если они поверили бы, в чем я очень сомневаюсь, что это им дает? Ничего. У меня ничего нет, у вас тоже. Тот, кто влез сюда и в квартиру Джули, уже это понял. В чем бы ни были замешаны Оливер и его подруга, мы не имеем к этому никакого отношения. Я поговорю с родными, возможно, он кому-то обмолвился о своих планах. Но это маловероятно, особенно если дельце было незаконным или мутным, а скорее всего, и тем и другим.

– Мне жаль.

– Жалеть не о чем. Возможно, он хвастался в своем кругу, и я смогу восстановить картину из обрывков.

Он разломил пополам остаток маффина и предложил ей.

– Ну, спасибо.

– Это было вкусно. Зря два не купили.

С кофе в руках он пересек студию и распахнул двойные двери.

– О боже! Это костюмерная! – Лайла бросилась к нему со всех ног вне себя от восторга. – Нет, вы только посмотрите – платья, шарфы, бижутерия. А белье – оно же просто невесомое. Старшеклассницей я играла в школьном театре – недолго, потому что отца перевели по службе – и больше всего любила наряжаться.

– Тут все не то – разве что это сойдет на первый раз. – Он извлек на свет нежно-голубой сарафан. – Цвет не тот, длина – тоже, но лиф примерно тот, что нужно. Это наденьте, а

туфли снимите.

– Не стану я его надевать. – Но ткань она потрогала – та была легкая, струящаяся. – Очень красивый.

– Час в нем постоит – и он ваш.

– Взяткой вы меня не подкупите... Ой, это «Прада»!

– Всего час – и он ваш.

– У меня дела, и Томас...

– Да разберемся мы с вашими делами. Мне как раз нужно почту забрать. Я уже несколько дней туда не навещивался. А Томас – кот, с ним ничего не случится.

– Он любит компанию.

«Это же “Прада”», – подумала она, снова трогая ткань. Однажды она купила черные лодочки от «Прада», убедив себя в том, что они ноские. И со скидкой. На самом деле она урвала их в жесточайшей битве на ежегодной распродаже обуви в «Саксе».

Лейблы не имеют значения, повторяла она себе, а подлый внутренний голосок тем временем шептал: «Прада»...

– А почему вам приходится забирать почту? – поинтересовалась она, чтобы не думать о «Прада» и из врожденного любопытства. – Разве ее не приносят?

– Нет. У меня абонентский ящик. Всего час – и я займусь вашими дурацкими делами.

– Отлично. – Она просияла улыбкой, отчего на щеке появилась ямочка. – Мне необходимо купить предметы женской гигиены. Список я дам.

Его цепкие зеленые глаза озорно блеснули.

– У меня куча сестер, маменька, стайка мачех, а тетушек и кузин столько, что можно сбиться со счета. Думаете, меня это смутит?

– Час, – сказала она, капитулируя. – И сарафан – мой.

– По рукам. Переодеться можно там. И выньте из волос эту штукину. Мне они нужны распущенными.

Следуя указаниями, она вошла в просторную ванную, тоже черно-белую, как кухня, но с трехстворчатым зеркалом. Такие бывают в примерочных торговых центров и всегда вызвали в ней лютую зависть.

Надев нежно-голубой сарафан, она пришла в восторг не только от самого ощущения – ей случилось примерять дизайнерскую одежду просто для удовольствия, – но от сознания того, что может стать его обладательницей.

В груди он был широковат – вот уж сюрприз, – но в целом сидел неплохо. И его можно будет подогнать по фигуре. А поскольку мысль про окаянный сарафан прочно засела в голове, она сбросила босоножки и распустила волосы.

Когда она снова вышла, он стоял у окна и смотрел на улицу.

– Я не захватила косметику, – начала она.

– Пока она не нужна. Это предварительная работа.

Он повернулся и окинул ее оценивающим взглядом.

– Цвет неплох, но яркие тона будут смотреться выигрышнее. Идите сюда.

– У вас такой властный тон, когда вы входите в роль художника.

Она задержалась у мольберта, увидев свое лицо, изображенное с разных ракурсов, с разными выражениями.

– Это все я? Странно. – Она снова почувствовала себя уязвимой. – Может, стоило пригласить девушку, которая позировала для русалки? Она такая красивая.

– Красота бывает разной. Мне нужны ваши волосы... – Он резким движением наклонил ее, запустил пальцы ей в волосы, потом снова заставил выпрямиться.

– Тряхните головой, – приказал он.

Она подчинилась, сверкнув глазами – не гневно, а с чисто женским озорством.

– Вот оно. – Он взял ее за подбородок и приподнял голову. – Именно то, что нужно. Вы знаете гораздо больше, чем я, чем любой мужчина. Я могу наблюдать за вами в сиянии луны, при свете звезд и в пламени костра, но ваши знания и мысли для меня останутся тайной. Мужчины, любующиеся танцем, думают, что могут вами обладать. Но они ошибаются – выбор всегда за вами. В этом ваша сила.

Он отступил к мольберту:

– Подбородок выше, голову откинуть. Глаза на меня.

Ее сердце снова забилося, в горле пересохло. И отчего-то ноги разом ослабели.

Как ему это удастся?

– И что, все женщины, которых вы пишете, в вас влюбля-

ются?

– Некоторые успевают возненавидеть. Или испытывают сильную неприязнь.

Он отбросил лист с набросками и принялся за новый.

– А вас это совершенно не волнует, потому что вы получаете то, что вам нужно, и это не они.

– Само собой, они – отчасти. Смотрите на меня. Почему вы пишете для подростков?

– Потому что это увлекательно. В подростковом возрасте жизнь бурлит – все эти томления, открытия, жуткая потребность принадлежности и жуткий страх быть не таким, как все. Добавьте оборотней, и вот вам аллегория, получается увлекательно в квадрате.

– Оборотни – всегда беспроегрышный ход. Моей сестричке Райли ваша первая книга очень понравилась.

– Правда?

– Кейли рулит, Эйден – крут, но ее любимец – Мэл.

– Здорово. Мэл – неуклюжий ботан и лучший друг героини.

– Тогда все складывается. Она сама ботаник и всегда западает на неудачников. Я пообещал, что куплю ей вторую книгу, а вы ее подпишете.

Она чуть не растаяла от удовольствия.

– Через месяц у меня будут сигнальные экземпляры. Один я подпишу для нее и отправлю вам.

– Класс. Я стану ее любимым братом.

– Уверена, вы уже ее фаворит. Даже сейчас, когда все настолько скверно, вы стремитесь ее порадовать.

– Покружитесь.

– Что?

Не отрываясь от наброска, он пальцем изобразил круг.

– Да нет, покружитесь.

Теперь палец резко щелкнул.

Она быстро крутанулась, чувствуя себя неловко.

– Еще раз, руки поднимите, и поживее. – В следующий раз он включит музыку, чтобы она отвлеклась и расслабилась. – Так лучше, не шевелитесь, руки не опускайте. Ваш отец служил в Европе?

– Пару раз. В Германии, но тогда я была совсем маленькой и ничего не помню. Потом в Италии, там было хорошо.

– В Ираке?

– Тоже, но там было плохо. Потом их передислоцировали в гарнизон Форта Ли в Виргинии, и мы жили там.

– Сурово.

– Армейская жизнь не для слабаков.

– А сейчас?

– Стараюсь не быть слабачкой. Или вы о том, чем он занят сейчас? Вышел в отставку, и они с мамой перебрались на Аляску. Им там нравится. Купили магазинчик и едят бургеры с лосятиной.

– О'кей, расслабьтесь. Тряхните головой еще раз. Вы там бываете?

– В Джуно? Была пару раз. Ухватила работенку в Ванкувере, оттуда съездила в Джуно. Потом поработала в Мизуле и снова съездила. Вам доводилось там побывать?

– Да. Невероятное место.

– Это точно. – Она задумалась. – Как будто совсем другой мир. Другая планета. Не ледяная планета Хот, но вроде того.

– Что?

– Хот, ледяная планета. «Звездные войны» – «Империя наносит ответный удар».

– А, да.

Судя по всему, не большой фанат «Звездных войн», решила Лайла и вернулась к прежней теме.

– Что вы рисовали на Аляске?

– Пейзажи, ясное дело. Написал инуитку в образе Снежной королевы – вероятно, правительницы ледяной планеты Хот, – добавил он, чем вызвал ее признательную улыбку.

– А почему вы изображаете именно женщин? Нет, есть и другие темы, но в основном у вас женщины, и в таких фантастических образах – добрых, как ведьма, играющая на скрипке в свете луны, или злых – как русалка – губительница мужчин.

Его взгляд изменился. До этого прямой и напряженный, он стал спокойнее, в нем отразилось любопытство.

– Почему вы решили, что женщина на лугу – ведьма?

– Потому что у нее есть сила, и она наслаждается ею не меньше, чем музыкой. Ну, мне так представляется – и пото-

му, пожалуйста, мне хотелось эту картину.

– Вы правы. Она застигнута в момент слияния музыки с магией. Будь картина все еще моей, я бы подарил ее вам, потому что вы поняли суть. Другой вопрос – куда бы вы ее повесили?

– В этом вся загвоздка, – согласилась она. – И все же, почему в основном женщины?

– Потому что у них сила. Они дают жизнь, и это уже магия. На сегодня хватит. – Он задержался на ней взглядом и отбросил карандаш. – Нужно другое платье – летящее.

Она не была уверена в том, что он позволит взглянуть на наброски, поэтому просто подошла к мольберту.

И увидела свое лицо, фигуру – в самых разных ракурсах.

– Что-то не так? – спросил он.

– Это как трехстворчатое зеркало в примерочной. – Она пожалала плечами. – Вы слишком много видите.

И увидит еще больше, когда уговорит ее на ню, но не все сразу.

– Ну что, – он снова взял стакан с кофе, – займемся делами.

– Дела оставьте мне. Я получила сарафан.

– Мне все равно нужно забрать почту. – Он обвел глазами студию. – И выбраться отсюда. А вам нужно обуться.

– Да, конечно. Я мигом.

Оставшись один, он достал и включил телефон. Оттуда посыпались имейлы и сообщения в мессенджере, отчего го-

лова сразу разболелась.

Отсюда точно нужно выбираться.

Тем не менее он ответил нескольким абонентам в порядке очередности и убрал телефон, как только она появилась в укороченных брючках и топе, в которых пришла.

– Сарафан в сумке – на тот случай, если вы передумаете.

– Он не мой.

– Вам он определенно будет короток, но... – она сокрушенно охнула. – У него есть хозяйка. Я верну его на место.

– Говорю же, берите. Его давным-давно оставила Хлоя – или Кора? В любом случае правила они знают.

– Что за правила?

– То, что валяется здесь больше двух месяцев, – сказал он, препровождая ее к лифту, – отправляется в гардероб или на помойку. Иначе тут было бы негде ступить от их баракла.

– Строго, но справедливо. Кора – ваша сестра? Модель? Или подруга?

– Сестра по отцу.

Одно из сообщений было именно от Кору, и его мысли снова вернулись к Оливеру.

– Завтра мы сможем забрать тело.

Она дотронулась до его руки, когда он открыл решетку на выходе из лифта.

– Это хорошо. Значит, вы скоро сможете с ним проститься.

– Это будет цирк с конями. Но пока слоны не спляшут,

метлы не замашут.

– Кажется, я понимаю, о чем вы, – помолчав, сказала она. – Это прозвучало нелестно для вашей семьи.

– Я слегка устал от своей семьи. – Он взял ключи, темные очки и холщовую сумку. – Суньте к себе, пожалуйста. Это для почты.

Она не понимала, зачем для почты нужна сумка, но взяла.

Он положил ключи в карман и надел очки.

– Это трудное время, – заметила она.

– Вы не представляете, насколько. – Они вышли на улицу. – Вы должны присутствовать на похоронах.

– О, я не думаю...

– Обязательно. Будете отвлекающим фактором, а кроме того, вы не теряете головы в кризисных ситуациях. Они там будут. Я пришлю за вами машину. В десять.

– Мы не были знакомы с Оливером.

– Но между вами существует связь, и вы знакомы со мной. С вами поедет Люк. В воскресенье. Или воскресенье проблематично?

«Соври», – приказала она себе, но знала, что не станет.

– Вообще-то в воскресенье у меня пересменка между Кильдербрандами и Ловенштайнами, но...

– Тогда решено.

Он взял ее за руку и потащил в противоположном направлении.

– Вообще-то я шла в другую сторону.

– Сначала заглянем сюда. – Он указал на модный бутик женской одежды.

Стоя на светофоре, мимо которого с грохотом проехал огромный грузовик доставки, а рядом, судя по щебетанию, сбились в стайку туристы, она получила короткую передышку.

– Эштон, по-моему, ваша семья сочтет неуместным присутствие на похоронах любопытной соседки.

– Лайла, у меня двенадцать сестер и братьев, многие из которых имеют мужей и жен, в том числе бывших, детей, приемных детей. Еще есть тети, дяди, бабушки и дедушки. Что может быть неуместнее?

Он рванул через улицу, увлекая ее за собой, мимо женщины с вопящим в коляске младенцем, напрямиком в магазин, где царил шик и стиль. И, как она предполагала, были аховые цены.

– Джесс.

– Эш.

Стройная блондинка в черно-белом мини и красных босоножках на огромных каблучищах перегнулась через прилавок и подставила ему щеку.

– Рада тебя видеть.

– Решил пробежаться по округе и заглянуть к тебе – вдруг ты что-нибудь нашла для меня.

– Я занялась поисками сразу после твоего звонка. Есть пара вещей, которые, пожалуй, подойдут. Это твоя модель?

Я Джесс.

– Лайла.

– Насчет красного ты прав, – обратилась она к Эшу. – Кажется, я знаю, что нужно. Пойдемте со мной.

Она провела их в доверху забитый склад и сняла с вешалки на колесиках пару красных платьев с пышной юбкой.

– Это – нет. Вон то.

– Точно.

Прежде чем Лайла успела толком разглядеть их, Джесс за-толкала одно обратно, а другое, с оборками, подала ему.

Эш развернул юбку во всю ширину и кивнул:

– Сойдет, но под нее нужен цвет.

– С этим проблем не будет. Я тут давненько наткнулась в комиссионном магазине на это и подумала, что тебе однажды пригодится. Думаю, разноцветные оборки по подолу будут смотреться идеально – лучше, чем куча клиньев или подъюбников. А если она не подойдет, закажи подобную у портнихи.

– Давай-ка посмотрим. – Он взял платье и юбку и кинул Лайле. – Примерьте.

– Вообще-то у меня дела, – напомнила она.

– Подождут.

– Я покажу примерочную. Вам что-нибудь принести? – невозмутимо спросила Джесс, выпроваживая Лайлу со склада и подводя к примерочной с окаянным трехстворчатым зеркалом. – Газированной воды?

– Не откажусь. Спасибо.

Она снова переделалась. Юбка провисала в талии, и она уменьшила ее с помощью скрепки, которая нашлась в сумке.

Платье село как надо.

Стиль, конечно, был не ее – слишком красное, вызывающее, с низким вырезом. Но благодаря заниженной талии она казалась выше, что правда, то правда.

– Вы готовы?

– Да. Я только... Входите, – сказала она, что он уже, собственно, и сделал.

– То, что нужно. – Он снова изобразил пальцем круг. Она закатила глаза, но покрутилась. – Почти. Нам потребуется...

Он наклонился и задрал юбку.

– Эй!

– Спокойно. Юбку приподнимем, ножку покажем, добавим цвет.

– Юбка широка в талии. Я ее скрепила.

– Джесс!

– Порешаем. И ей нужен другой бюстгальтер. Ммм...
70А?

«Убийственная точность», – подумала Лайла.

– Да.

– Секундочку. – Она испарилась.

Стараясь восстановить душевное равновесие, Лайла схватилась за воду, а Эш тем временем изучал ее.

– Выйдите.

– Через минуту. Золотые серьги-кольца, много... – Его пальцы пробежались по ее запястью.

– Браслетов?

– Да.

– Дай нам минутку. – Джесс вернулась с бюстгальтером огненно-красного цвета и вытолкала Эша. – Сам он точно не уйдет, – улыбнулась она. – Наденьте это, и я определюсь с шириной.

Лайла со вздохом поставила воду, стараясь не думать о том, что оголяется в присутствии незнакомого человека.

Четверть часа спустя они вышли из магазина с платьем, бюстгальтером и трусиками в тон, на которые Лайла согласилась в минуту слабости.

– Как так случилось? Я всего-навсего посмотрела в окно.

– Физика? – предположил он.

– Цепная реакция? – выдохнула она. – Ну, тогда все можно свалить на науку.

– И что у вас за дела?

– Уже не помню.

– Подумайте. А пока зайдем на почту.

– На почту. – Она покачала головой. – Вы купили мне нижнее белье.

– Это гардероб.

– Это нижнее белье. Красное. Всего неделю назад мы даже не были знакомы, а сегодня вы купили мне красное белье. Вы хотя бы на ценники *взглянули*?

– А еще говорили, что мои деньги вас не интересуют.

Она рассмеялась и сразу вспомнила.

– Я хотела купить игрушку для Томаса.

– У него их навалом.

Мимо протопал мужик в тренче, бормоча непристойности и распространяя невероятный смрад.

– Люблю Нью-Йорк, – сказала она, наблюдая за тем, как пешеходы уворачиваются и бегут врассыпную. – Всем сердцем.

– Он живет где-то поблизости, – сообщил Эш. – Я его вижу или хотя бы чую пару раз в неделю. Тренч он не снимает.

– Отсюда и запах. Сегодня по прогнозу тридцать три градуса, и, судя по ощущениям, он верный. Да, у Томаса есть игрушки, но это будет прощальный подарок. Еще мне нужно купить бутылку вина для Килдербрандов. А цветы куплю в субботу.

– Вы оставите им вино и цветы?

– Да, так принято. Разве в детстве вас этому не научили? – От уличной тележки на нее пахло хот-догами – этот запах был куда приятнее смрада, распространяемого бродягой. – Почему я вообще иду с вами на почту?

– Потому что вот она. – Взяв ее за руку, он вошел в здание и остановился у абонентских ящиков. Потом выудил ключ и открыл свой.

– Вот черт.

– Набит почти до отказа.

– Это за несколько дней. Может, неделю. В основном это спам. Люди губят деревья и рассылают спам – в чем смысл?

– Наконец-то я полностью с вами согласна.

Он быстро проглядывал почту, отправил в холщовую сумку пару конвертов и выудил из стопки пакет с пузырьковой подкладкой.

И замер.

– Это что?

– Письмо от Оливера.

– Ох.

Она уставилась на пакет, на размашистый корявый почерк, как у Эштона.

– Судя по штемпелю...

– Оно было отправлено в день убийства.

Эш ссыпал содержимое ящика в сумку и разорвал пакет.

Оттуда выпал ключ и визитная карточка с запиской.

Привет, Эш.

Через денек-другой подскожу забрать его. Пусть у тебя полежит, пока я разберусь с остальным. Клиент попался обидчивый, если придется уехать на пару дней, дам знать. Вещицу достань и привези мне в компаунд. Она в «Уэллс Фарго», недалеко от моего дома. И я подделал твою подпись на карточке – как в старые времена! – так что в ячейку попадешь без проблем. Спасибо, бро.

До скорого. Оливер.

– Сукин сын.

– Что за вещьца? И что за клиент?

– Думаю, я скоро узнаю.

– Мы узнаем, – поправила она. – Я в этом деле по самую макушку.

Он встретился с ней взглядом.

– Ладно. – Эш суну записку в мешок, а ключ – в карман. – Тогда пойдем в банк.

– Вероятно, в этом и есть причина. – Она едва поспевала за его размашистой походкой. – Может, ключ стоит отнести в полицию?

– Он послал его мне.

Она вцепилась ему в руку, желая притормозить.

– А что он имел в виду, говоря про подпись – мол, подделал ее, как в старые времена?

– В основном детские шалости. Школьный дневник и прочее. В основном.

Лайла предложила, что Эш был тем человеком, на чью помощь Оливер всегда рассчитывал.

– Он понимал, что попал в переplet, – продолжал Эш, – но это было его естественное состояние. «Обидчивый клиент» – читай: вне себя от бешенства. О чем бы ни шла речь, он не хотел держать это при себе или в квартире. Поэтому положил в банковскую ячейку, а ключ послал мне.

– Потому что знал, что у вас он будет в целости.

– Я бы бросил пакет в ящик, а когда он заявился, швырнул

бы ему в лицо со словами, что слышать ни о чем не хочу. Он знал об этом, поэтому так и сделал. Потому что ему не пришлось бы ничего объяснять, более того – я не допустил бы никаких объяснений.

– Это не означает, что вы виноваты.

– Нет. Где этот долбаный банк?

– На следующем углу налево. Меня не пустят в хранилище вместе с вами. Необходимо иметь доступ.

– Точно. – Размышляя, он замедлил шаг. – Я достану то, что там лежит, и мы отнесем это к вам. На время. Тогда я иду в банк, а вы отправляйтесь в магазин, купите что-нибудь. Посмотрите на меня.

Он остановил ее, повернул лицом к себе и слегка притянул.

– Не исключено, что за нами следят – или за одним из нас. Поэтому будем вести себя естественно. Заниматься делами.

– Таков был план.

– И следуйте ему. Купите что-нибудь, а когда я закончу в банке, мы отправимся к вам. Как ни в чем не бывало.

– Вы действительно думаете, что за нами следят?

– Такая вероятность есть. А посему... – Он наклонился и легко коснулся губами ее губ. – Потому что я купил вам красное белье, – напомнил он. – Отправляйтесь за покупками.

– Я... я пойду в ближайший мини-маркет.

– Послоняйтесь там, пока я за вами не приду.

– Хорошо.

Все это точно странный сон, говорила она себе, направляясь к мини-маркету. Позирование, красное нижнее белье, записка от мертвого брата, поцелуй на тротуаре, потому что за ними могут следить.

Самое время купить вино и смотреть продолжение странного сна.

Глава 8

Все произошло довольно быстро. Эшу частенько приходило в голову, что Оливер мог бы зарабатывать на жизнь подделкой документов. Подпись не вызвала вопросов – Оливер столь же безупречно подделывал подпись отца и многих других. Ключ подошел, и, как только сотрудник банка воспользовался своим ключом и вышел, Эш вперился взглядом в металлический ящик.

То, что в нем лежало, стоило жизни брату и женщине, которую он любил – по крайней мере, на свой лад. То, что в нем лежало, привлекло убийцу в его собственный дом и в дом его хорошей знакомой.

Эш был убежден в этом.

Он открыл ящик.

Окинул взглядом пачки перехваченных лентами сотенных банкнот – хрустящих, как молодой салат, – и толстый конверт из желтоватой бумаги. Между ними аккуратно пристроился коричневый кожаный футляр с дорогим тиснением и золотыми петлями.

Он открыл его.

И опешил при виде сверкающей роскоши, утопающей в мягком ложементе.

Из-за этого? Погибнуть из-за этого?

Эш вынул конверт, достал документы, прочитал все, что

мог. И снова подумал – погибнуть из-за этого? Сдерживая ярость, он закрыл футляр и защелкнул петли. Потом достал из пакета завернутые в бумагу покупки, положил туда футляр, прикрыв сверху бумагой, а платье втиснул в холщовую сумку. Конверт и деньги, также прикрыв бумагой, он отправил в пакет, и вышел, оставив на столе пустой ящик.

Теперь ему требовался компьютер.

* * *

Лайла добросовестно слонялась по мини-маркету – купила вино, два чудесных персика и кусочек сыра «Пор-Салю». Потом тянула время, кружа возле оливок, точно они были «гвоздем» ее сегодняшней потребительской корзины. А может, даже годовой.

Наконец, нагрузившись всякой всячиной, она добралась до кассы и поморщилась при известии о том, в какую сумму ей обошлось «слоняние». Потом улыбнулась кассиру и по-прежнему с улыбкой на губах обернулась на эффектную азиатку в босоножках изумрудного цвета на танкетке.

– Классные туфли, – обронила она, беря пакет. В этом ее замечании не было ничего необычного.

– Спасибо. – Взгляд экзотических раскосых глаз сместился на босоножки на плоской подошве. Они были симпатичные, разноцветные, но выдавшие виды. – У вас тоже очень славные.

– Это на каждый день, а не на выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.